
Ливия Норвейн
Развод с миллиардером.
Ты не хотел детей со мной

Ливия Норвейн

Развод с миллиардером. Ты не хотел детей со мной

https://litres.ru/74748357
SelfPub; 2026

Аннотация

Одиннадцать лет мой муж-миллиардер говорил, что не хочет детей. А я верила, ждала и наконец отказалась от мечты стать матерью. Ради него. Ради нашей любви.

Пока однажды незнакомка не прислала мне видео.

— Папа, со мной! — смеялась трехлетняя девочка.

А мой муж обнимал ее и помогал задуть свечи.

Его дочь. Его вторая семья. Четыре года лжи.

Я подала на развод, хотя все еще любила его.

В тридцать восемь пришлось начинать заново. Возвращаться к музыке, учиться жить для себя. И именно тогда я встретила Михаила. Мужчину, рядом с которым снова захотелось смеяться, целоваться до головокружения и верить в любовь.

Но когда я наконец стала счастливой, бывший муж вернулся с обещанием, которого я ждала долгие годы:

— Вернись, Вера. Я готов стать отцом нашего ребенка.

Только и Михаил боится нового отцовства.

Смогу ли я сохранить любовь, не предав собственную мечту?

Ведь однажды я уже отказалась от материнства ради мужчины. Второй раз — не смогу.

Содержание

Глава 1. У тебя есть дочь 5
Глава 2. Первый урок 56
Глава 3. Мне было с ним смешно 117
Конец ознакомительного фрагмента. 149

Ливия Норвейн
Развод с миллиардером. Ты не хотел детей со мной

Глава 1. У тебя есть дочь

В тот вечер я никак не могла доиграть одну и ту же фразу.

Пальцы знали, что делать. Я помнила каждую ноту, могла сыграть эту пьесу с закрытыми глазами, но почему-то все время замедлялась перед последним аккордом.

Я остановилась, убрала руки с клавиш и посмотрела на часы.

Без четверти восемь.

Денис обещал вернуться к девяти. У него был ужин с партнерами, который мог затянуться, поэтому я не стала ничего готовить. Заказала себе салат, оставила его на кухне и села за рояль.

Раньше я могла играть часами. В последние годы все чаще находила причины отложить занятия: нужно было встретить гостей, выбрать подарок для делового партнера мужа, согласовать меню, съездить на благотворительный вечер. Мелочи, из которых незаметно складывалась чужая жизнь.

Сегодня мне хотелось просто побыть одной.

Телефон лежал на крышке рояля, рядом с нотами. Когда он завибрировал, я подумала, что Денис решил предупредить об опоздании.

Но сообщение пришло от незнакомой женщины.

«Здравствуйте, Вера. Меня зовут Полина Белова. Простите, что пишу вам вот так, но я больше не могу ждать. У меня есть дочь от вашего мужа. Вчера Лизе исполнилось три года».

Я перечитала сообщение.

Потом еще раз.

Несколько секунд я смотрела на экран, пытаясь понять, почему незнакомая женщина решила отправить мне такую глупость.

У Дениса не было детей.

У нас не было детей.

В этом и заключалась главная боль нашего брака, о которой я научилась не говорить.

Я хотела ребенка. Очень хотела. Сначала представляла, как мы станем родителями через пару лет после свадьбы. Потом соглашалась подождать еще немного. Потом перестала спрашивать, потому что знала ответ заранее.

Денис детей не хотел.

И никогда этого не скрывал.

Телефон снова завибрировал.

«Он обещал рассказать вам до ее дня рождения. Вчера приезжал, поздравлял Лизу. А вечером опять уехал. Сказал,

что ему нужно время. Я устала от этих обещаний».

Следом пришло видео.

Я не сразу его открыла.

Может быть, это какая-то ошибка? Другая женщина, другой Денис. Мошенники. Неудачная попытка шантажа.

Но почему-то пальцы стали холодными.

Я нажала на воспроизведение.

Видео длилось двадцать три секунды.

На экране появилась светлая гостиная. За небольшим столом сидела девочка в желтом платье. Перед ней стоял торт с тремя свечками. Кто-то за кадром смеялся, а девочка нетерпеливо ерзала на стуле.

— Папа, ну давай!

Камера немного сдвинулась.

И я увидела мужа.

Денис стоял рядом с девочкой, придерживая одной рукой тарелку. На нем была темно-синяя рубашка, которую я сама забрала из химчистки на прошлой неделе.

— Подожди, командир, — сказал он. — Ты желание загадала?

Девочка серьезно кивнула.

— Какое?

— Не скажу!

— Правильно. А то не сбудется.

Он наклонился, поправил ей волосы за ухом и поцеловал в макушку.

Никакой неловкости.

Никакого напряжения.

Движение было настолько привычным, что я вдруг почувствовала, как подступила тошнота.

Девочка потянулась к свечам.

— Пап, со мной!

— Конечно, с тобой. Давай на счет три.

Они вместе задули свечи.

Девочка завизжала от радости, обняла Дениса за шею, а он подхватил ее на руки и засмеялся.

Я знала этот смех.

За одиннадцать лет брака слышала его тысячи раз.

Только сейчас мне показалось, что он принадлежал совершенно другому человеку.

Видео закончилось.

Я сидела неподвижно.

Потом нажала на воспроизведение снова.

И еще раз.

На третьем просмотре заметила маленькую подробность.

Когда девочка потянулась к тарелке, Денис успел отодвинуть ее от края стола, даже не посмотрев вниз.

Он знал, что она может опрокинуть тарелку.

Знал, как она двигается, чего хочет, в какой момент нужно ее подстраховать.

Он не просто приехал поздравить ребенка, которого редко видел.

Он был ее папой.

Настоящим папой.

Тем самым мужчиной, который однажды сказал мне:

«Вер, ну представь, что будет с нашей жизнью, если появится ребенок. Мы перестанем принадлежать себе».

Я опустила телефон на колени.

В комнате было тихо.

За окном проехала машина. Где-то в глубине дома включился холодильник. На рояле лежали раскрытые ноты.

Все осталось на своих местах.

Только я больше не понимала, где нахожусь.

Я открыла переписку.

«Он знает, что вы мне написали?»

Ответ пришел почти сразу.

«Нет».

Я долго смотрела на это короткое слово.

Потом написала:

«Вы уверены, что это его дочь?»

Отправив сообщение, я почувствовала стыд.

Не потому, что задала неправильный вопрос. Просто я только что увидела Дениса с девочкой и услышала, как она называла его папой. Но все равно искала возможность, что произошла ошибка.

Полина ответила:

«Да. Он признал отцовство. Лиза носит его фамилию».

Следом пришла фотография.

Денис сидел на диване, а девочка устроилась у него на коленях и показывала какую-то книжку.

Фотография явно была сделана в другой день. На Денисе был серый домашний свитер, которого я никогда не видела.

Я закрыла изображение.

Сердце стучало так сильно, что я слышала удары.

Хотелось написать этой женщине еще сотню вопросов.

Как давно?

Где они живут?

Он проводит с вами ночи?

Что говорит обо мне?

Вы знали, что я существую?

Но я вдруг поняла, что не хочу узнавать собственный брак из переписки с чужой женщиной.

Я набрала номер Дениса.

Он ответил после третьего гудка.

— Вер, привет. Я еще занят. Что-то случилось?

Голос был обычным.

Немного усталым.

Совершенно обычным голосом моего мужа.

— Ты можешь приехать домой?

— Я же говорил, у нас встреча. Освобожусь где-то через час. Может, чуть позже.

— Мне нужно, чтобы ты приехал сейчас.

Он помолчал.

— Ты заболела?

— Нет.

— Что случилось?

Я снова открыла фотографию девочки и посмотрела на нее.

— Денис, пожалуйста, приезжай.

В голосе, наверное, прозвучало что-то такое, чего он не привык от меня слышать.

— Хорошо, — быстро сказал он. — Я выезжаю. Минут сорок, может, меньше.

— Хорошо.

Я отключилась.

И впервые за все годы нашего брака не сказала ему, чтобы ехал осторожнее.

***

Пока я ждала, пыталась вспомнить, когда мы в последний раз говорили о детях.

Не случайно, не из-за друзей, которые стали родителями. По-настоящему говорили о нас.

Кажется, три года назад.

Мы тогда были в ресторане.

Денис заказал дорогое вино, рассказывал о новом складском комплексе, который собирался строить под Москвой. Он был доволен, много смеялся, держал меня за руку.

Я тоже улыбалась.

А потом за соседним столиком расплакался младенец.

Молодая женщина подняла его из коляски, стала укачи-

вать. Муж обнял ее за плечи и что-то сказал. Она рассмеялась, хотя ребенок продолжал плакать.

Я смотрела на них дольше, чем следовало.

Денис заметил.

— Опять?

Я не сразу поняла, что он имел в виду.

— Что?

— Вера, мы же обсуждали.

Он не злился. Просто устал от разговора, который еще даже не начался.

Я помнила, как опустила глаза на салфетку.

— Я ничего не сказала.

— Но я вижу.

Мне хотелось спросить, неужели так трудно хотя бы разрешить мне смотреть на чужого ребенка.

Вместо этого я ответила:

— Извини.

В тот вечер мы больше не возвращались к теме.

А ведь девочка на видео была уже жива.

Ей могло быть несколько месяцев.

Денис уже знал, что значит держать собственного ребенка на руках.

А я сидела напротив него и извинялась за то, что мне хотелось стать матерью.

Я встала с дивана слишком резко. Перед глазами потемнело.

Пришлось ухватиться за спинку кресла.

На кухне стоял нетронутый салат. Рядом лежала салфетка, которую я расстелила перед ужином.

Я открыла холодильник, потом закрыла.

Налила воды.

Сделала глоток.

Вода показалась противно теплой.

Я открыла кран и долго держала стакан под холодной струей.

В отражении темного окна увидела себя.

Тридцать восемь лет.

Одиннадцать лет брака.

И три года чужой жизни, о которой я ничего не знала.

Мне вдруг вспомнилось, как пять лет назад я предложила Денису обратиться к семейному психологу.

Не для того, чтобы его уговорили завести ребенка. Я уже тогда начинала понимать, что человек не обязан хотеть того же, чего хочу я.

Мне нужно было разобраться, смогу ли я прожить без детей и не возненавидеть нас обоих.

Денис отказался.

Сказал, что не намерен платить кому-то за разговоры о том, что и так понятно.

А потом обнял меня и добавил:

— Вер, я тебя люблю. Мне с тобой хорошо. Разве этого мало?

Я тогда заплакала.

Не при нем.

Позже, в ванной, под шум воды.

А утром решила, что нашей любви действительно должно хватить.

Я не была глупой девушкой, которая не слышала отказа.

Я слышала.

Просто каждый раз выбирала остаться.

Мне казалось, что если любовь настоящая, то от чего-то можно отказаться.

Я отказалась от возможности стать матерью рядом с Денисом.

Он ни от чего не отказался.

***

Денис приехал через тридцать восемь минут.

Я запомнила это совершенно точно, потому что почти все время смотрела на часы.

Сначала услышала, как открылись ворота. Потом негромко хлопнула входная дверь.

Он вошел в гостиную, не сняв пиджак.

— Вер, что случилось? Ты меня напугала.

Я сидела на диване.

Телефон лежал рядом.

Он оглядел меня и заметно расслабился.

Наверное, убедился, что я не ранена, не больна и в доме ничего не произошло.

— Ты бледная. Голова болит?

Я хотела ответить.

Но вместо слов получилось только покачать головой.

Денис подошел ближе.

— Ну что такое?

Он протянул ко мне руку.

Я отодвинулась.

Он остановился.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

— Вера?

Я взяла телефон, открыла видео и протянула ему.

Он посмотрел на экран.

Сначала спокойно.

Потом его лицо изменилось.

Совсем немного.

Я знала Дениса достаточно хорошо, чтобы заметить, как напряглись мышцы у его челюсти.

Он не нажал на воспроизведение.

Даже не попытался.

— Откуда это у тебя?

Я почувствовала, как внутри что-то оборвалось.

Не потому, что еще сомневалась.

Просто надеялась, что он хотя бы спросит, что именно я ему показываю.

— У тебя есть дочь?

Денис медленно опустился в кресло напротив.

Телефон остался у него в руке.

— Вера, давай я объясню.

— У тебя есть дочь?

Он посмотрел на меня.

— Да.

Я кивнула.

Один раз.

Потом еще.

Не знаю, зачем.

Наверное, пыталась удержаться за обычное движение, чтобы не закричать.

— Ей три года?

— Да.

— Ее зовут Лиза?

— Да.

Мне хотелось спросить что-нибудь еще, но я не могла придумать вопроса, который не разорвал бы меня окончательно.

Денис положил телефон на стол.

— Кто тебе прислал?

— Ее мать.

Он прикрыл глаза.

— Черт.

Это было первое слово, которое он произнес с настоящим чувством.

Не когда увидел меня бледной.

Не когда я спросила о дочери.

А когда понял, что Полина сама все рассказала.

— Ты ведь обещал ей поговорить со мной? — спросила я.

Он открыл глаза.

— Да.

— Когда?

— Недавно.

— До дня рождения?

Он не ответил сразу.

Я и так знала.

— Денис.

— Да. Я обещал.

Я сжала руки.

— И вчера ты был у них?

— Был.

— А потом приехал домой?

— Вера...

— Ты приехал домой, спросил, как у меня прошел день, поужинал со мной. Ты рассказывал про какого-то человека, который опоздал на встречу. Помнишь?

Он смотрел на меня.

— Помню.

— Ты только что был на дне рождения своей дочери.

— Да.

Я почувствовала, что начинаю дрожать.

— А я спросила, почему ты такой уставший. И ты сказал, что день был тяжелый.

Денис провел ладонью по лицу.

— Я понимаю, как это выглядит.

— Нет.

Он поднял голову.

— Что?

— Ты не понимаешь.

Я встала, потому что больше не могла сидеть.

Прошла к окну.

За стеклом горели фонари. Где-то в соседнем доме женщина закрывала шторы. В одной из квартир мигал телевизор.

Люди жили обычным вечером.

Я вдруг позавидовала им.

Всем этим незнакомым людям, которые сейчас могли спокойно решать, что приготовить на ужин, во сколько лечь спать и нужно ли завтра заехать в магазин.

Мне тоже хотелось волноваться о чем-нибудь маленьком.

О забытом продукте.

О сломанном каблуке.

О плохой погоде.

О чем угодно, только не об этом.

— Как давно ты с ней? — спросила я, не оборачиваясь.

За спиной заскрипело кресло.

— Вера, это не так просто...

Я повернулась.

— Сколько?

— Четыре года. Чуть больше.

Мне показалось, что я ослышалась.

— Четыре?

Он кивнул.

Я пыталась представить четыре года.

Не как число.

Как нашу жизнь.

Четыре Новых года.

Четыре лета.

Поездка в Италию.

Мой тридцать пятый день рождения.

Болезнь моей мамы, когда Денис почти каждый вечер звонил и спрашивал, нужна ли помощь.

Наш переезд в этот дом.

Годовщина свадьбы, на которую он подарил мне рояль.

И все это время существовала Полина.

— Ты любишь ее?

Он отвел взгляд.

— Я не знаю, как тебе ответить.

Я тихо рассмеялась.

Смех получился неприятным, чужим.

— Попробуй правду.

— Я люблю тебя.

— Я спросила о ней.

Денис выдохнул.

— У нас есть ребенок. Нас многое связывает.

— Ты с ней спишь?

Он резко посмотрел на меня.

— Вера, зачем тебе...

— Мне нужно знать, с кем я прожила одиннадцать лет.

Он помолчал.

— Да.

Я снова кивнула.

Он, наверное, хотел что-то добавить, но я подняла руку.

— Не надо подробностей.

Мне хватило.

Я вернулась к дивану, но не села.

Опустилась на подлокотник, потому что ноги плохо слушались.

Денис смотрел на меня с таким выражением, будто только сейчас начал понимать, что происходит.

— Я собирался сказать, — произнес он.

Я посмотрела на него.

— Когда?

— Не знаю. Я искал подходящий момент.

— Четыре года?

— О ребенке я узнал позже.

— Хорошо. Три с половиной?

Он опустил глаза.

— Ты ведь понимаешь, что это непростой разговор.

— Да, Денис. Очень непростой. Настолько, что ты решил вообще его не вести.

Он поморщился.

— Не надо так.

— Как?

— Будто я специально хотел причинить тебе боль.

Я несколько секунд смотрела на него.

Потом спросила:

— А что ты хотел?

Он молчал.

— Когда Полина забеременела, что ты хотел?

— Она сказала, что оставит ребенка.

— А ты?

— Я сказал, что буду помогать.

— И все?

— Нет, не все.

Он встал.

— Вера, я тогда сам не понимал, что делать. Мы не планировали ребенка. Это произошло.

— Такое бывает.

Он, кажется, обрадовался, услышав мой спокойный голос.

— Вот именно. Это было неожиданно. Я не мог просто бросить ее с ребенком.

— И правильно.

Денис замер.

— Что?

— Правильно, что не бросил. Ребенок ни в чем не виноват.

Он осторожно сделал шаг ко мне.

— Вер...

— Только почему для того, чтобы не бросить свою дочь, тебе понадобилось обманывать меня?

Он остановился.

Я видела, как он подбирал слова.

Денис всегда умел это делать.

На переговорах, в сложных разговорах, в спорах с партнерами.

Он мог убедить человека подождать, согласиться, уступить.

Со мной ему обычно было еще проще.

Я слишком хорошо знала его и часто сама находила оправдание тому, что он делал.

— Я боялся потерять тебя, — сказал Денис.

Я почувствовала, как глаза наполнились слезами.

— Поэтому решил ничего мне не говорить?

— Я надеялся разобраться.

— С чем?

— С этой ситуацией.

— Денис, у тебя есть дочь. Ей три года. Что значит разобраться?

Он отвернулся.

И я вдруг поняла, что он действительно не знает ответа.

Не потому, что все слишком сложно.

А потому, что все эти годы ему было удобно ничего не

решать.

***

Когда мы познакомились, Денис еще не был миллиардером.

Ему было тридцать три, мне двадцать семь.

Он руководил небольшой логистической компанией, много работал, постоянно разговаривал по телефону и иногда забывал поесть.

Мы встретились на дне рождения общего знакомого.

Я тогда преподавала в музыкальной школе и подрабатывала аккомпаниатором. Денис весь вечер пытался выяснить, почему я так мало зарабатываю, если столько училась.

Я разозлилась.

Он рассмеялся.

А потом попросил мой номер.

Через два дня пригласил в маленькое кафе рядом с консерваторией.

Мы разговаривали до закрытия.

О музыке, о его бизнесе, о моей маме, о путешествиях, которые хотели совершить.

Он слушал внимательно.

Помнил сказанное.

Через неделю принес мне книгу, которую я вскользь упомянула на первом свидании.

Я влюбилась не в его деньги.

Их тогда почти не было.

Я влюбилась в мужчину, который умел смотреть на меня так, будто ничего интереснее в мире не существовало.

В первые годы брака мы много смеялись.

Ссорились из-за бытовых глупостей.

Мирились.

Уезжали на выходные без предупреждения.

Он мог приехать за мной после занятий, принести кофе и сидеть в машине, пока я заканчивала урок.

Я любила его.

И сейчас, стоя посреди гостиной, понимала страшную вещь.

Я все еще любила его.

Мне хотелось, чтобы он подошел, обнял меня, сказал, что все это неправда.

Что Полина ошиблась.

Что девочка не его.

Что я просто попала в какой-то ужасный сон.

Но в телефоне было видео.

И девочка называла его папой.

А Денис признавал каждое слово.

— Вера, послушай меня.

Я вздрогнула.

Он стоял совсем близко.

Я даже не заметила, как он подошел.

— Не трогай меня.

Он убрал руку.

— Хорошо.

Мы замолчали.

Я смотрела на его рубашку.

Ту самую, синюю.

Вчера он держал в ней свою дочь.

А сегодня приехал в этой же рубашке ко мне.

Мне вдруг стало интересно, знает ли Лиза, что у папы есть другая семья.

Что у него есть жена, о которой, возможно, даже не говорят.

Я не стала спрашивать.

Мне и так было плохо.

— Скажи мне одну вещь, — попросила я.

— Какую?

— Ты когда-нибудь хотел детей от меня?

Он нахмурился.

— Вера, при чем здесь...

— Пожалуйста. Ответь.

Денис сел обратно в кресло.

Положил ладони на колени.

— Я не хотел детей вообще. Ты это знаешь.

— Знаю.

— Я никогда не обещал тебе, что передумаю.

— Это правда.

Он посмотрел на меня с осторожным облегчением.

Будто мы наконец дошли до пункта, в котором он был со-

вершенно прав.

И он действительно был прав.

Денис с самого начала говорил, что не планирует детей.

Только правда, которую я знала одиннадцать лет, теперь стала другой.

— Тогда почему у тебя есть дочь? — спросила я.

Он долго молчал.

— Потому что так получилось.

— И ты счастлив?

Он посмотрел на меня.

— Что?

— Ты счастлив, что она у тебя есть?

Денис отвел глаза.

— Я люблю Лизу.

Эти три слова ударили сильнее всех предыдущих.

Я закрыла рот ладонью.

Он заметил мои слезы и сразу поднялся.

— Вер, ну пожалуйста...

— Не подходи.

— Я не могу смотреть, как ты...

— Тогда не смотри!

Я крикнула.

Впервые за весь вечер.

Денис остановился.

Я заплакала.

Слезы текли по лицу, и я не успевала их вытирать.

— Ты не понимаешь, — сказала я. — Ты даже не представляешь, что со мной сделал.

— Я понимаю, что виноват.

— Нет. Ты думаешь, что виноват, потому что изменил. А я четыре года жила рядом с человеком, который каждый день мог сказать мне правду. Каждый день, Денис. За завтраком. В машине. Перед сном.

Он стоял молча.

— Я спрашивала тебя о детях. Ты помнишь?

— Помню.

— Я говорила, что боюсь однажды пожалеть. Ты помнишь?

Он опустил голову.

— Да.

— Ты сказал мне, что мы сами выбрали такую жизнь.

Я едва смогла произнести последние слова.

— А оказывается, выбрала только я.

Денис провел ладонью по затылку.

— Это несправедливо. Я тоже многим жертвовал ради нас.

Я подняла на него глаза.

— Чем?

Он посмотрел на меня с раздражением.

— Вера, сейчас невозможно нормально разговаривать.

— Тогда не разговаривай. Просто назови мне одну вещь, от которой ты отказался ради нашего брака.

Он молчал.

Я ждала.

Почему-то мне очень хотелось, чтобы он нашел ответ.

Хоть какой-нибудь.

Сказал, что отказался от важной поездки. От выгодной сделки. От привычного образа жизни.

Я бы даже не стала спорить.

Но Денис ничего не сказал.

И это молчание оказалось удивительно ясным.

Я вытерла лицо.

— Мне нужно уйти.

Он резко поднял голову.

— Куда?

— Пока к Оксане.

— Зачем? Это твой дом.

— Я знаю.

— Тогда останься. Я могу уехать.

Я посмотрела на лестницу, которая вела на второй этаж.

Там была наша спальня.

Мои вещи.

Его вещи.

Кровать, в которой мы спали.

Кресло у окна, где я читала по вечерам.

Все было моим.

И одновременно я больше не представляла, как смогу провести здесь ночь.

— Я не хочу оставаться, — сказала я.

— Вер, сейчас поздно. Давай хотя бы переночуем, а завтра...

— Нет.

Он тяжело выдохнул.

— Ты принимаешь решение в состоянии шока.

— Возможно.

— Именно. Поэтому не нужно ничего решать сегодня.

Я посмотрела на него.

Еще час назад я бы, наверное, согласилась.

Денис много раз говорил мне похожие вещи.

Не спеши.

Давай подумаем.

Завтра все будет выглядеть иначе.

Иногда это было разумно.

Иногда я действительно торопилась.

Но сегодня за этими словами стояли четыре года лжи.

— Я уеду сегодня, — ответила я. — А с тобой мы разведемся.

Он побледнел.

— Что?

— Я хочу развода.

— Вера, нет.

— Да.

— Ты не можешь решить это за один вечер!

Я неожиданно почувствовала усталость.

— Я не решаю за один вечер, Денис. Ты четыре года давал мне причины. Просто я о них не знала.

— Я люблю тебя.

Я отвернулась.

— Пожалуйста, перестань.

— Это правда.

— Тогда почему мне так больно от твоей любви?

Он ничего не ответил.

***

Собирать вещи оказалось труднее, чем я думала.

Не потому, что их было слишком много.

Наоборот.

Я открыла шкаф и несколько минут не понимала, что мне понадобится.

Теплый свитер.

Джинсы.

Белье.

Домашняя одежда.

Зарядка.

Зубная щетка.

Какие-то обычные вещи, без которых нельзя провести несколько дней вне дома.

Я достала чемодан, положила в него две блузки и вдруг вспомнила, что завтра мне никуда не нужно идти.

У меня не было постоянной работы.

Я иногда давала частные уроки, помогала знакомым пре-

подавателям, выступала на небольших мероприятиях. Последний полноценный учебный год у меня был давно.

Сначала я считала перерыв временным.

Потом Денис предложил не привязываться к расписанию школы, потому что ему хотелось, чтобы я могла ездить с ним.

Я согласилась.

Мне казалось, что это и есть хорошая семейная жизнь.

У мужа сложная работа. А я могу поддерживать его и заниматься музыкой в удобное время.

Я никогда не думала о том, что однажды мне придется собирать чемодан и уезжать из собственного дома.

Не знала, почему именно сейчас эта мысль вызвала во мне почти детскую обиду.

Ведь я могла остаться.

Денис сам предложил уйти.

Но мне хотелось оказаться как можно дальше от него.

Я открыла нижний ящик комода.

Там лежали мои документы.

Паспорт.

Диплом.

Свидетельство о браке.

Документы, связанные с квартирой, которую мы купили несколько лет назад и сдавали.

Я аккуратно сложила их в папку.

Потом нашла банковские карты.

На моем личном счете были деньги. Я никогда не остава-

лась без доступа к ним. Денис переводил мне средства на расходы, у меня сохранялись и собственные накопления.

На первое время хватит.

Дальше придется разбираться.

С работой.

С жильем.

С имуществом.

С тем, как вообще устроена жизнь женщины, которая одиннадцать лет была замужем за очень обеспеченным мужчиной.

От этих мыслей стало страшно.

Я села на край кровати.

Рядом, на прикроватной тумбочке Дениса, лежали часы.

Он забыл их утром.

Я вспомнила, как недавно покупала ему новый ремешок. Старый натирал запястье, а Денис все не находил времени выбрать замену.

Я тогда специально заехала в магазин.

Потратила почти час, потому что хотела подобрать именно такой, как он любит.

Мне вдруг захотелось швырнуть часы в стену.

Не потому, что ремешок имел какое-то значение.

Просто я помнила десятки таких мелочей.

Как покупала ему любимый хлеб.

Как откладывала фильм, чтобы посмотреть вместе.

Как звонила в ресторан и просила приготовить блюдо, ко-

торое ему нравилось.

Как среди ночи вставала проверить, не оставил ли он в кабинете открытое окно.

Он тоже заботился обо мне.

Присылал цветы.

Помнил о моих концертах, когда мог прийти.

Привозил подарки из поездок.

Однажды, когда я сильно заболела, отменил встречу и сам отвез меня к врачу.

Именно поэтому все происходящее было таким страшным.

Я не могла просто взять и вычеркнуть из памяти хорошего мужа.

А он существовал.

Рядом с другим Денисом.

Который ездил к дочери на день рождения, целовал ее в макушку и возвращался домой ко мне.

Я закрыла лицо руками.

Сначала плакала тихо.

Потом все сильнее.

В какой-то момент стало трудно дышать.

Я поднялась, открыла окно и несколько раз глубоко вдохнула холодный воздух.

Снизу доносился голос Дениса.

Он говорил по телефону.

Я не разобрала слов.

Но вдруг с ужасом подумала: а если он сейчас разговаривает с Полиной?

Если объясняет ей, что произошло?

Если говорит ей те же слова, которые только что говорил мне?

Что любит.

Что не хочет терять.

Что все можно исправить.

Я захлопнула окно.

Достала телефон и набрала Оксану.

Она ответила почти сразу.

— Вер, привет. Ты чего так поздно? Я как раз домой приехала.

— Оксан, можно я к тебе приеду?

Мой голос прозвучал странно.

Оксана помолчала.

— Конечно. Что случилось?

Я открыла рот.

И не смогла сказать.

— Вера?

— Мы с Денисом разводимся.

Наступила тишина.

Я знала Оксану больше двадцати лет.

Мы познакомились еще во время учебы. Потом какое-то время работали вместе, позже стали встречаться реже, но никогда не теряли связь.

Она знала, как я любила мужа.

И знала, сколько раз я пыталась убедить себя, что отсутствие детей не должно разрушить счастливый брак.

— Что он сделал? — тихо спросила она.

Я прижала телефон к уху.

— У него есть дочь.

Оксана не сразу ответила.

— Что значит дочь?

— Ей три года.

Я услышала, как подруга резко выдохнула.

— Господи.

Мне вдруг стало легче от этого слова.

Потому что именно так я и чувствовала.

Господи.

Что же это такое?

— Ты можешь приехать прямо сейчас, — сказала Оксана. — Ключи у меня. Я дома. Если нужно, я сама за тобой приеду.

— Нет, я вызову машину.

— Ты точно сможешь?

— Да.

— Хорошо. Я буду ждать.

Я отключилась.

Положила телефон в сумку и продолжила собирать вещи.

Через десять минут чемодан был закрыт.

Я взяла еще небольшую сумку.

Оглядела комнату.

На комоде стояла наша свадебная фотография.

Мы были моложе.

Денис обнимал меня за талию, прижимал к себе, а я смотрела на него с таким счастьем, что сейчас мне стало невыносимо.

Я подошла ближе.

Провела пальцами по стеклу.

На фотографии он смотрел на меня.

Только на меня.

Я помнила этот день.

Помнила, как он шепнул мне что-то смешное перед снимком, и я не могла перестать улыбаться.

Тогда мне казалось, что у нас впереди целая жизнь.

Я оставила фотографию на месте.

Не хотела брать ее с собой.

Не хотела разбивать.

Просто сейчас она мне была не нужна.

***

Денис ждал внизу.

Он снял пиджак, расстегнул ворот рубашки и сидел за обеденным столом.

Перед ним стояла чашка с остывшим кофе.

Когда я появилась с чемоданом, он сразу поднялся.

— Ты серьезно?

Я остановилась на последней ступеньке.

— Да.

— Вера, послушай. Давай хотя бы поговорим спокойно.

— Мы уже поговорили.

— Ты задала вопросы, я ответил. Но ты ведь даже не дала мне объяснить, как все произошло.

Я посмотрела на него.

— Ты хочешь рассказать, как познакомился с Полиной?

Он сжал губы.

— Не только.

— Как она забеременела?

— Вера...

— Или как ты выбирал имя дочери? Как впервые взял ее на руки? Как научился менять ей подгузники?

Денис отвернулся.

Я почувствовала новый приступ слез, но теперь они не текли.

Внутри будто ничего не осталось.

— Ты ведь всему этому научился, да?

Он посмотрел на меня.

— Я старался помогать.

— Ты хороший отец?

Он нахмурился.

— Я не знаю, что ты хочешь услышать.

— Я тоже не знаю.

Это была правда.

Я действительно не понимала, какие слова могли бы сей-

час что-нибудь изменить.

Наверное, никаких.

Денис подошел ближе.

— Я понимаю, что ты сейчас ненавидишь меня.

— Нет.

Он остановился.

— Нет?

Я покачала головой.

— Я не ненавижу тебя.

Мне было тяжело это произнести.

Потому что ненависть казалась бы проще.

С ней можно было бы уйти, хлопнуть дверью и не оглядываться.

А я смотрела на человека, которого любила одиннадцать лет, и хотела одновременно ударить его и обнять.

— Я просто не знаю, кто ты, — сказала я.

Денис опустил взгляд.

— Я тот же человек, Вера.

— Нет. Ты знаешь, что ты сделал. А я только сегодня узнала.

Он провел ладонью по лицу.

— Я понимаю.

— Ты постоянно говоришь это.

— Потому что это правда.

Я покачала головой.

— Ты даже не представляешь, как я себя чувствую.

— Тогда скажи.

Я посмотрела на него.

Он ждал.

И на секунду мне захотелось рассказать.

Все.

Как я боялась своего тридцатипятилетия.

Как иногда заходила в детские магазины и просто рассматривала одежду.

Как однажды купила маленькую музыкальную шкатулку, потому что представляла, как буду заводить ее перед сном для нашего ребенка.

Потом спрятала на верхней полке шкафа.

Как каждый раз радовалась за подруг, которые становились матерями, а вечером возвращалась домой и плакала.

Как перестала спрашивать Дениса о детях, потому что не могла вынести еще одного спокойного «нет».

Я хотела, чтобы он узнал все это.

Но вдруг поняла, что не хочу рассказывать ему.

Он был рядом.

Мог спросить.

Мог заметить.

Иногда замечал.

И все равно молчал о своей дочери.

— Нет, — ответила я. — Я больше не хочу объяснять тебе, как мне больно.

Он посмотрел на чемодан.

— Ты куда поедешь?

— К Оксане.

— Я могу отвезти.

— Не нужно.

— Вера, хотя бы...

— Денис, пожалуйста.

Он замолчал.

Я взяла чемодан за ручку.

Прошла к выходу.

У самой двери он окликнул меня.

— Вер.

Я остановилась.

— Я не собирался разводиться.

Я медленно обернулась.

Он стоял посреди нашей просторной гостиной.

Высокий, красивый, в дорогой рубашке.

Мужчина, которого я любила.

— Что? — спросила я.

— Я хочу, чтобы ты это знала. У меня не было планов уходить от тебя.

Мне показалось, что он сказал это как утешение.

Как нечто, за что я должна быть благодарна.

Я несколько секунд не могла подобрать слова.

— А что ты собирался делать?

— Я хотел сохранить нашу семью.

— И свою вторую?

Он не ответил.

Я посмотрела на него еще раз.

— То есть ты хотел, чтобы все оставалось как было?

— Я хотел, чтобы ты была счастлива.

Я почувствовала такую усталость, что даже не смогла рассердиться.

— Ты не спрашивал, счастлива ли я.

— Конечно, спрашивал.

— Нет, Денис. Ты спрашивал, все ли у нас хорошо. А я отвечала, что хорошо. Потому что думала, что мы оба живем в одной семье.

Он опустил голову.

Я открыла дверь.

На улице было прохладно.

Ветер пах мокрым асфальтом и опавшими листьями.

Я вышла, не оглянувшись.

***

Такси приехало через семь минут.

Я стояла у ворот с чемоданом и пыталась не смотреть на окна дома.

Когда машина остановилась, водитель вышел, открыл багажник и помог убрать вещи.

— Добрый вечер, — сказал он.

Я ответила слишком тихо.

— Здравствуйте.

Он уточнил адрес.

Я кивнула.

Потом села на заднее сиденье и пристегнулась.

Автомобиль тронулся.

Я смотрела на знакомые улицы.

На деревья вдоль дороги.

На свет в окнах.

На женщину с собакой у пешеходного перехода.

Все происходило так обыденно, что мне хотелось остановить машину и спросить у кого-нибудь, понимают ли они, что только что случилось.

У моего мужа есть дочь.

Три года.

Он знает, как она смеется.

Она знает, как он ее обнимает.

Я закрыла глаза.

В памяти снова появился короткий ролик.

Желтое платье.

Торт.

Три свечи.

Денис, который наклонялся к маленькому лицу и спрашивал, загадано ли желание.

Я вспомнила, как в прошлом году мы были в ресторане на годовщине свадьбы.

Он подарил мне серьги.

Красивые, с небольшими бриллиантами.

А потом сказал:

— Вер, ты ведь счастлива?

Я ответила:

— Конечно.

Он поцеловал мою руку.

И я действительно была счастлива в тот вечер.

Мне нравилось быть с ним.

Нравилось, как он смотрел на меня, как смеялся, как поправлял мои волосы.

Я любила своего мужа.

И тогда, и сейчас.

Только теперь я знала, что в тот же вечер, возможно, где-то ждали его звонка две другие женщины.

Одна взрослая.

И одна совсем маленькая.

Я достала телефон.

На экране было шесть пропущенных вызовов.

Все от Дениса.

И несколько сообщений.

«Вера, пожалуйста, ответь».

«Я понимаю, что ты сейчас не можешь говорить».

«Я виноват».

«Давай не будем ничего решать сгоряча».

Последнее пришло только что.

«Я люблю тебя. Не забывай об этом».

Я долго смотрела на эти слова.

За одиннадцать лет Денис говорил мне о любви сотни раз.

Иногда нежно.

Иногда торопливо.

Иногда во время ссоры, когда хотел поскорее помириться.

Я всегда верила.

Даже когда мы спорили о ребенке.

Даже когда он возвращался поздно.

Даже когда мне казалось, что его работа занимает в жизни слишком много места.

Я верила, потому что не видела причин сомневаться.

Теперь причин было слишком много.

Я отключила звук телефона и убрала его в сумку.

Водитель спросил, не холодно ли мне.

Я сказала, что все хорошо.

И вдруг поняла, как часто произносила эту фразу.

Все хорошо.

Ничего страшного.

Я справлюсь.

Не переживай.

Даже сейчас, когда внутри все разваливалось, я зачем-то успокаивала совершенно незнакомого человека.

Я отвернулась к окну.

И заплакала.

Тихо, почти беззвучно.

Водитель ничего не спросил.

За это я была ему благодарна.

***

Оксана открыла дверь еще до того, как я успела позвонить.

Она была в старой домашней футболке, с собранными на затылке волосами.

Увидев меня, сразу обняла.

Я стояла с чемоданом посреди коридора, уткнувшись ей в плечо.

— Заходи, — тихо сказала она. — Я сейчас тебе чай сделаю.

— Прости, что так поздно.

— Вер, перестань.

Она забрала у меня сумку, помогла снять пальто и провела на кухню.

На столе стояли две кружки.

Рядом — тарелка с нарезанным сыром и хлебом.

Оксана знала меня достаточно хорошо, чтобы не спрашивать, хочу ли я есть.

Она просто подвинула тарелку ближе.

Я села.

Несколько минут мы молчали.

Оксана вскипятила воду, заварила чай, достала мед и закрыла окно.

Обычные движения почему-то успокаивали.

Наконец она села напротив.

— Расскажешь?

Я обхватила кружку ладонями.

— Мне написала женщина.

— Та, с которой он...

Я кивнула.

— У них дочь.

Оксана медленно выдохнула.

— Ты уверена?

Я достала телефон.

Открыла видео.

Подруга посмотрела его молча.

Потом положила телефон на стол.

— Господи, Вера.

Я кивнула.

— Да.

— Он подтвердил?

— Все.

— И сколько это продолжается?

— Четыре года. Чуть больше.

Оксана закрыла глаза.

Я смотрела на ее лицо и понимала, что именно сейчас начинаю верить в случившееся.

Пока я была дома, происходящее казалось страшным разговором между мной и Денисом.

Как будто, если мы продолжим спорить достаточно долго, можно будет договориться, что ничего не случилось.

Но я рассказала другому человеку.

Произнесла вслух.

У моего мужа есть другая женщина.

У него есть дочь.

Он обманывал меня четыре года.

Это стало настоящим.

— Я хочу развестись, — сказала я.

Оксана посмотрела на меня.

— Я поняла.

— Он говорит, что любит меня.

Она ничего не ответила.

— И самое ужасное, я ему верю.

У меня задрожали губы.

— Я думаю, что он действительно любит меня. По-своему. Как умеет. Но ведь так нельзя?

Оксана накрыла мою руку своей.

— Вер, я не знаю, что у него в голове. Но он точно знал, что ты не согласилась бы на такую жизнь.

Я опустила глаза.

— Я хотела детей.

— Знаю.

— Ты помнишь, как я говорила, что, наверное, уже смирилась?

— Помню.

— Я не смирилась.

Слезы снова потекли по щекам.

Оксана подвинулась ближе.

— Я знаю.

— Я просто перестала об этом говорить. Думала, что если буду достаточно долго молчать, то однажды перестану хотеть.

Я заплакала сильнее.

— А он... Оксан, он ведь держал ее на руках. Я видела. Он так с ней смеялся. Он даже волосы ей поправил, чтобы в лицо не лезли.

Я закрыла лицо ладонями.

— Я столько раз представляла, как он будет держать нашего ребенка.

Оксана обняла меня.

Я плакала у нее на плече, как когда-то в студенчестве, когда мне казалось, что первая несчастная любовь разрушила всю жизнь.

Только тогда мне было двадцать.

А сейчас тридцать восемь.

И я не знала, как начать все заново.

— Я такая дура, — прошептала я.

Оксана отодвинулась и посмотрела мне в лицо.

— Почему?

— Потому что осталась. Он ведь говорил, что не хочет детей. А я все равно осталась.

— Ты его любила.

— Любила.

— И сейчас любишь.

Я кивнула.

Она не стала говорить, что это пройдет.

Не стала обещать, что я встречу другого мужчину, что все обязательно будет хорошо.

Просто обняла меня еще раз.

— Сегодня тебе не нужно ничего решать, — сказала она. — Кроме того, где ты будешь спать.

Я попыталась улыбнуться.

— На диване?

— В комнате. Я постелила.

— Спасибо.

— Поешь сначала.

Я посмотрела на хлеб.

Оказывается, я ничего не ела с обеда.

Желудок неприятно сжался.

Я взяла маленький кусочек сыра и заставила себя проглотить.

Потом еще один.

Оксана не торопила.

Рассказывала что-то о работе, о преподавателе, который опять перепутал расписание, о сломанном замке в кабинете.

Я слушала вполуха.

Но ее голос помогал не проваливаться обратно в видео, в разговор с Денисом, в бесконечные вопросы.

Когда я закончила чай, часы показывали почти полночь.

— Пойдем, — сказала Оксана. — Тебе нужно лечь.

Она проводила меня в небольшую комнату.

На кровати лежало свежее белье.

На тумбочке стоял стакан воды.

Я поставила рядом телефон.

Потом сняла часы, положила их на подоконник и села на край кровати.

Оксана задержалась в дверях.

— Вер?

— Да?

— Завтра разберемся, что делать дальше. С жильем, с работой, со всем остальным. Хорошо?

Я посмотрела на нее.

— Хорошо.

Она погасила верхний свет и оставила небольшой ночник.

— Я рядом.

Дверь тихо закрылась.

Я осталась одна.

В комнате пахло чистым бельем и чем-то сладким — наверное, Оксаниным кремом для рук.

Из кухни доносился шум воды.

Я легла.

Натянула одеяло до подбородка.

И вдруг поняла, что впервые за одиннадцать лет не знаю, где проведет эту ночь мой муж.

Может быть, дома.

Может быть, у Полины.

Может быть, уже едет к дочери, чтобы обнять ее и почув-

ствовать себя хоть немного лучше.

Я не знала.

И больше не хотела спрашивать.

Но от этого не становилось легче.

Телефон завибрировал.

Я потянулась к нему раньше, чем успела себя остановить.

Сообщение от Дениса.

«Верочка, я не могу уснуть. Прости меня. Давай завтра поговорим. Я все исправлю».

Я смотрела на экран.

Верочка.

Он называл меня так только дома.

Когда был особенно нежным.

Когда я болела.

Когда хотел помириться после ссоры.

Я почти услышала его голос.

И вдруг мне мучительно захотелось позвонить.

Сказать, что мне страшно.

Что я лежу в чужой постели и не понимаю, как буду жить завтра.

Что мне хочется домой.

К нему.

В нашу спальню.

В ту жизнь, которая еще утром казалась настоящей.

Я даже открыла его контакт.

Палец завис над кнопкой вызова.

Потом я вспомнила девочку в желтом платье.

Три свечи.

И то, как Денис смеялся, когда она обнимала его за шею.

Я положила телефон экраном вниз.

Укрылась с головой и долго плакала.

Я все еще любила мужа.

Очень сильно.

Но впервые за одиннадцать лет эта любовь не заставила меня остаться.

***

Утром я проснулась от незнакомого звука.

Несколько секунд лежала с закрытыми глазами, пытаясь понять, где нахожусь.

Потом услышала шум воды в ванной и вспомнила.

Оксана.

Ее квартира.

Мой чемодан у стены.

Денис.

Полина.

Лиза.

Я резко села.

Сердце забилось так сильно, будто все произошло только что.

Телефон показывал половину восьмого.

И одиннадцать непрочитанных сообщений.

Я открыла переписку с Денисом.

Последнее он отправил в шесть утра.

«Я не знаю, как жить, если ты уйдешь».

Я долго смотрела на эти слова.

Вчера я бы заплакала.

Сегодня почувствовала странную пустоту.

Не знает, как жить.

А ведь я тоже не знала.

Не знала, где буду жить через неделю.

Сколько смогу заработать.

Как привыкну просыпаться одна.

Как буду рассказывать знакомым о разводе.

Как выдержу, если однажды встречу Дениса с Полиной и их дочерью.

Я не знала ничего.

Кроме одного.

Возвращаться я не хотела.

Я открыла новое сообщение.

Долго подбирала слова.

Потом написала:

«Денис, я подам на развод. Я не хочу сейчас обсуждать наши отношения. Мне нужно время, чтобы решить бытовые и юридические вопросы. Пожалуйста, не приезжай к Оксане и не пытайся меня искать. Когда я буду готова говорить по делу, я сообщу».

Перечитала.

Отправила.

Он ответил почти сразу.

«Вера, не делай этого».

Следом:

«Я готов на все, только дай мне шанс».

Я выключила уведомления.

Положила телефон в ящик тумбочки.

Потом встала и подошла к окну.

На улице начинался обычный сентябрьский день.

Люди шли на работу.

Дети с рюкзаками спешили в школу.

У подъезда мужчина поправлял шарф маленькому мальчику. Мальчик смеялся, пытался увернуться, а потом сам обнял отца.

Я смотрела на них, пока они не скрылись за углом.

И впервые подумала о том, что мне придется учиться жить без обещания, что однажды Денис передумает.

Больше не будет этого «потом».

Я не знала, успею ли стать матерью.

Не знала, захочет ли меня когда-нибудь полюбить другой мужчина.

И даже не была уверена, что смогу снова кому-то доверять.

Но теперь хотя бы понимала, что моя жизнь не обязана закончиться вместе с нашим браком.

Я отошла от окна.

Из кухни доносился запах свежего кофе.

Оксана что-то напевала, негромко и немного фальшиво.
Я умылась, расчесала волосы и вышла к ней.
— Доброе утро, — сказала подруга.
Я остановилась в дверях.
Добрым это утро не было.
Но оно наступило.
И мне предстояло его прожить.
— Доброе, — ответила я и села за стол.

Глава 2. Первый урок

На третий день я обнаружила, что у меня нет собственного полотенца.

Точнее, полотенце было. Оксана дала мне большое, белое, с вышитой по краю веточкой. Оно лежало на полке в ванной, рядом с моими зубной щеткой и кремом.

Но я вдруг захотела свое.

То старое, голубое, которое висело в нашей ванной справа от раковины. Денис постоянно путал его со своим, а я возмущалась, потому что на моем оставались следы его средства для бритья.

Какая глупость.

Четыре года он обманывал меня, три года растил дочь от другой женщины, а я стояла в чужой ванной и едва не плакала из-за полотенца.

Я закрыла шкафчик.

Посмотрела на себя в зеркало.

Под глазами залегли тени. Волосы, которые я вчера вечером вымыла и оставила сохнуть, торчали в разные стороны. На подбородке выскочил маленький прыщик.

За последние два дня я почти не спала.

Днем удавалось отвлекаться. Мы с Оксаной разговаривали, ездили по делам, готовили ужин. Я даже несколько раз смеялась.

А ночью возвращались воспоминания.

Не только плохие.

Вчера я вспомнила, как Денис однажды приехал за мной после концерта с огромным букетом пионов. Было начало июня, дождь лил как из ведра, и он промок до нитки, пока бежал от машины к служебному входу.

Я тогда смеялась над ним.

Он обнял меня, мокрый, счастливый, и сказал:

— Ради тебя я и в речку прыгну.

Воспоминание было настолько отчетливым, что я даже почувствовала знакомый запах его парфюма.

Потом вспомнила девочку в желтом платье.

И долго лежала, глядя в потолок.

Сегодня утром я решила, что хватит.

Не плакать, конечно. С этим ничего нельзя было сделать по приказу.

Хватит лежать в постели и ждать, когда пройдет боль.

Мне нужна была квартира.

Своя.

Хотя бы на ближайшие месяцы.

Я оделась, убрала постель и вышла на кухню.

Оксана сидела за столом с ноутбуком. Рядом стояла чашка кофе и лежала раскрытая тетрадь.

— Доброе утро, — сказала я.

Она подняла голову.

— Ты уже проснулась? Я думала, поспишь подольше.

— Не получается.

— Кофе будешь?

— Да.

Оксана закрыла ноутбук.

— Я вчера разговаривала с Леной. У нее знакомый риелтор. Очень приличная женщина, мы через нее помещение для школы смотрели. Если хочешь, дам номер.

Я остановилась у кофемашины.

— Ты мысли читаешь?

— Нет. Просто вчера ты полчаса рассматривала объявления о квартирах, пока думала, что я не вижу.

Я улыбнулась.

— Скрытность никогда не была моей сильной стороной.

— Особенно когда у тебя телефон на максимальной яркости.

Она взяла кружку и подвинула мне тарелку с сырниками.

— Только не торопись снимать первое попавшееся жилье. Посмотри несколько вариантов.

— Я не хочу тебя стеснять.

— Ты меня не стесняешь.

— Оксан...

— Вера, у меня трехкомнатная квартира, и я живу одна. Ты вполне можешь побыть здесь столько, сколько потребуется.

Я села напротив.

— Спасибо.

Она махнула рукой.

— Ешь.

Я отломила кусочек сырника.

— А ты куда сегодня?

— На работу. У меня с утра родительское собрание, потом четыре занятия и встреча с человеком, который обещал наконец починить кондиционер.

— Ты все еще с ним воюешь?

— С кондиционером или с человеком?

— С обоими.

— С кондиционером отношения даже лучше. Он хотя бы иногда работает.

Я рассмеялась.

Впервые за утро по-настоящему.

Оксана посмотрела на меня поверх чашки и улыбнулась.

Потом осторожно спросила:

— Денис звонил?

Я перестала улыбаться.

— Вчера вечером. И сегодня ночью.

— Ты отвечала?

— Нет.

— Он знает, где ты?

— Знает, что у тебя. Я попросила не приезжать.

Она кивнула.

— Если появится, скажи мне.

— Ты собираешься выставить его за дверь?

— Если понадобится.

Я посмотрела на подругу.

Она была невысокой женщиной с мягкими чертами лица, любила домашние платья и совершенно не умела ругаться без смешных выражений.

Но в серьезных ситуациях Оксана становилась удивительно твердой.

— Ты же понимаешь, что он не опасный человек? — сказала я.

— Понимаю. Но это не значит, что ему можно приходить без приглашения.

Я опустила глаза на тарелку.

Простая мысль.

И почему-то очень непривычная.

Не всякому человеку можно приходить, когда ему удобно.

Даже если это твой муж.

Особенно если ты попросила его оставить тебя в покое.

***

Первую квартиру я посмотрела после обеда.

В объявлении она называлась уютной студией с дизайнерским ремонтом.

На фотографии действительно было красиво.

В действительности дизайнер, по-видимому, ненавидел людей.

Кровать стояла почти вплотную к плите. Между ванной и кухней имелась прозрачная перегородка, а единственное

окно выходило на кирпичную стену соседнего дома.

— Очень современное решение, — сказала риелтор.

Я представила, как буду завтракать, любуясь человеком в собственной ванной, и вежливо отказалась.

Во второй квартире было слишком темно.

Третью хозяин сдавал только на одиннадцать месяцев, но требовал оплатить четыре вперед.

К вечеру я устала.

И вдруг поняла, что раньше Денис просто попросил бы своего помощника найти хороший вариант.

Наверняка красивый.

Наверняка дорогой.

Я приехала бы, посмотрела и сказала, нравится мне или нет.

Потом подписала бы документы, даже не особенно вчитываясь.

Мне стало неловко от этой мысли.

Я ведь не была беспомощной.

У меня было образование. Я много лет работала, сама ездила за границу, решала бытовые вопросы, вела документы по нескольким нашим семейным делам.

И все же за одиннадцать лет я привыкла, что многое в моей жизни устроено заранее.

Теперь приходилось начинать с простого.

Сколько я готова платить?

Где мне удобно жить?

Нужна ли отдельная спальня?

Хочу ли я тишины?

От последнего вопроса я неожиданно остановилась посреди тротуара.

Тишины я хотела.

Очень.

Не той пустоты, которая оглушала меня в спальне Оксаны по ночам.

А обычной тишины, в которой можно включить музыку, когда захочется. Не ждать, что кто-то позовет тебя из кабинета. Не прислушиваться к шуму подъезжающей машины.

Я достала телефон и позвонила риелтору.

— Марина, а можно посмотреть что-нибудь небольшое, но с отдельной комнатой? Не обязательно в новом доме. Главное, чтобы было спокойно.

— Конечно. У меня как раз есть вариант. Правда, ремонт там самый обычный.

— Это ничего.

— И кухня маленькая.

— Ничего.

— Зато район хороший. Рядом парк, магазины, до метро минут десять.

— А посмотреть можно?

— Завтра после четырех.

Мы договорились.

Я убрала телефон и пошла дальше.

Первый раз за эти дни у меня появилось дело, которым хотелось заняться.

***

Вечером Денис написал:

«Я могу приехать и привезти твои вещи. Скажи, что нужно».

Я сидела на диване у Оксаны и смотрела на сообщение.

Он прислал его в половине восьмого.

Как раз тогда, когда обычно возвращался домой.

Раньше в это время я спрашивала, будет ли он ужинать.

Иногда он просил разогреть то, что осталось со вчерашнего дня. Иногда привозил что-нибудь из ресторана. Иногда мы вместе готовили пасту и разговаривали о прошедшем дне.

Мне захотелось спросить, поел ли он.

Я даже начала набирать.

Потом остановилась.

Не потому, что хотела наказать его молчанием.

Просто я не знала, что мне делать с его ответом.

Если скажет, что поел, я представлю его одного за столом.

Если скажет, что не поел, мне захочется позаботиться.

Если окажется, что он был у Полины...

Я закрыла переписку.

Через несколько минут пришло еще одно сообщение.

«Вера, я понимаю, что ты злишься. Но неужели мы теперь даже разговаривать не будем?»

Я закрыла глаза.

Он все еще называл происходящее злостью.

Будто мне было достаточно немного успокоиться.

Будто через несколько дней я перестану сердиться, и мы сможем продолжить.

Я написала:

«Денис, мне нужны мои вещи, но сейчас я не готова возвращаться в дом. Позже пришлю список. Давай пока общаться только по необходимым вопросам».

Он ответил:

«Хорошо. Я подожду».

И сразу следом:

«Я скучаю».

Я не ответила.

А потом, разозлившись на собственную слабость, погасила экран телефона.

— Ты чего такая сердитая? — спросила Оксана, появляясь в дверях кухни.

Я показала ей экран.

Она прочитала сообщения.

— Ну, скучает, — сказала она.

— Ты его защищаешь?

— Нет. Я просто думаю, что он действительно скучает.

Я посмотрела на нее.

— И что мне теперь делать?

— Ничего. Ты ведь не обязана возвращаться только пото-

му, что человеку без тебя плохо.

Оксана отдала телефон.

— Слушай, я тебе еще кое-что хотела предложить.

Она села рядом.

— Только не отказывайся сразу.

— Что?

— У меня преподаватель уходит на больничный. На восемь недель, возможно, чуть меньше. Четыре дня в неделю, несколько групп и индивидуальные занятия. Ты могла бы ее заменить.

Я удивленно посмотрела на подругу.

— Меня?

— Нет, свою соседку с третьего этажа. Конечно, тебя.

— Я давно не вела полную нагрузку.

— Полную и не нужно. У нас частная школа, группы небольшие. Ты же не раз меня подменяла.

— Но одно дело провести два урока, когда ты заболела. А другое...

— Вер, ты отличный преподаватель.

Я опустила взгляд.

— Не знаю.

Оксана нахмурилась.

— Что именно ты не знаешь?

Я не сразу нашлась с ответом.

— Смогу ли.

Она помолчала.

— Когда ты последний раз занималась с детьми?

— В мае. С Машей и Димой, перед их экзаменами.

— И как они сдали?

— Маша на отлично. Дима на четверку, но для него это был очень хороший результат.

— Вот видишь.

— Оксан, это совсем другое.

— Почему?

Я хотела объяснить.

Что давно не работала каждый день.

Что привыкла самостоятельно выбирать время занятий.

Что у меня сейчас все разваливается.

Что я могу не справиться.

Но вдруг поняла, насколько глупо это звучит.

Не потому, что мне нечего было бояться.

Было.

Просто я слишком долго смотрела на работу как на что-то, к чему вернусь потом.

Когда у Дениса станет меньше дел.

Когда мы закончим ремонт.

Когда перестанем ездить.

Когда я наконец разберусь с тем, чего хочу.

Потом.

В моей жизни было слишком много этого слова.

— Какое расписание? — спросила я.

Оксана улыбнулась.

— Вот это уже разговор.

Она достала ноутбук.

И следующие полчаса мы обсуждали учеников.

Я смотрела имена, возраст, продолжительность занятий, произведения, которые они готовили.

Чем дольше мы разговаривали, тем меньше я думала о Денисе.

У одной девочки плохо получались гаммы.

У мальчика десяти лет были проблемы с ритмом.

Тринадцатилетняя Кира Руднева, судя по записям преподавателя, настояла на сложном произведении и теперь отказывалась заниматься.

— Вот с этой осторожнее, — сказала Оксана, указывая на фамилию.

— Почему?

— Характер. Очень способная, но если что-то не получается, начинает злиться на всех. Особенно на себя.

— Это знакомо.

— Ее отец иногда приходит на занятия. Человек нормальный, но требовательный.

— А мама?

— Тоже бывает. Родители разведены, девочка живет у матери, с отцом проводит выходные и несколько вечеров.

Я кивнула.

— А что она выбрала?

Оксана развернула экран.

— Шопена. Фантазию-экспромт.

Я присвистнула.

— Смело.

— Именно. Преподаватель предлагала другое, но Кира упрямо настояла. Теперь собирается вообще бросить фортепиано.

Я посмотрела на пометки.

Девочка занималась музыкой давно.

И, судя по программе, действительно была способной.

— Когда у нее урок?

— Во вторник. В шесть.

— Хорошо.

Оксана приподняла бровь.

— Это значит, что ты согласна?

Я закрыла ноутбук.

— Да.

Она расплылась в улыбке.

— Вот и отлично.

А я вдруг почувствовала тревогу.

Не сильную, не такую, как после разговора с Денисом.

Обычное волнение перед работой, которую давно не делала регулярно.

И это было почти приятно.

***

Квартиру я сняла в воскресенье.

Ту самую, с маленькой кухней и обычным ремонтом.

Когда хозяйка открыла дверь, я сразу почувствовала запах свежей краски и яблок.

На подоконнике стояла миска с фруктами.

В гостиной был светлый диван, книжный шкаф и стол у окна.

Спальня оказалась небольшой, но в ней помещались кровать, комод и узкий шкаф.

Все выглядело чисто и спокойно.

— Только у меня никаких дорогих дизайнерских решений, — предупредила хозяйка. — Делала для себя, потом к дочери переехала.

— Мне нравится.

Она показала кухню.

Плиту.

Стиральную машину.

Ванную.

Потом открыла балкон.

Оттуда был виден двор с несколькими большими деревьями.

На детской площадке женщина качала мальчика лет пяти.

Я отвернулась раньше, чем успела рассмотреть их.

— Хороший район, — сказала хозяйка. — Тихий.

— Да.

Мы обсудили условия.

Я внимательно прочитала договор, несколько раз уточнила то, что раньше наверняка оставила бы без внимания.

Внесла обеспечительный платеж и оплату за первый месяц.

Получила ключи.

Хозяйка ушла.

А я осталась посреди пустой квартиры.

Точнее, почти пустой.

Мебель была.

Посуда тоже.

Даже шторы висели.

Но здесь не было ничего моего.

Ни книги, ни чашки, ни привычного запаха.

Я прошла по комнатам.

Открыла шкаф.

Закрыла.

Проверила окно.

Потом села на диван и посмотрела на ключи в ладони.

Я сняла квартиру.

Сама.

Не посоветовавшись с Денисом.

Не спросив, понравится ли ему район, удобно ли ему будет приезжать и не слишком ли далеко отсюда до его офиса.

И внезапно поняла, что мне хочется позвонить ему.

Не для того, чтобы пожаловаться.

Не чтобы попросить вернуться.

Просто рассказать.

«Денис, представляешь, здесь такой смешной маленький

балкон. И шкаф в спальне узкий, зато все нужное помещается».

Я уже почти слышала, как он ответит.

«Вер, ну зачем тебе такая коробочка? Давай я найду что-нибудь нормальное».

Я убрала телефон в сумку.

И снова посмотрела вокруг.

А мне нравилась эта коробочка.

Солнечный прямоугольник на полу.

Зеленая чашка в шкафу.

Немного скрипучий паркет.

И возможность не объяснять, почему я выбрала именно ее.

Я достала из сумки блокнот и записала:

«Полотенца. Постельное белье. Продукты. Настольная лампа».

Подумала.

Добавила:

«Цветы».

Потом зачеркнула.

Какие еще цветы?

Сначала нужно купить нормальную кастрюлю.

Но через минуту вернулась к записи и написала еще раз:

«Цветы».

Мне хотелось, чтобы в квартире было красиво.

Для меня.

***

Первый рабочий день начался с того, что я перепутала кабинеты.

Оксана потом смеялась почти пять минут.

— Вера, ты ведь двадцать лет в музыке. Как можно перепутать дверь?

— Очень просто. У тебя три одинаковых коридора и ни одной нормальной таблички.

— Таблички есть.

— Они размером с почтовые марки.

— Зато красивые.

Я посмотрела на нее.

— Ты ведь знаешь, что я могу уволиться в первый же день?

— Знаю. Поэтому договор уже подписан.

Я рассмеялась.

Школа занимала первый этаж старого административного здания.

Оксана постепенно отремонтировала помещения, купила хорошие инструменты, собрала преподавателей.

В небольшом холле стояли кресла для родителей, книжный стеллаж и автомат с кофе.

Из-за двери доносились звуки скрипки.

Где-то мальчик старательно играл гамму, каждый раз спотыкаясь на одном месте.

Мне стало неожиданно хорошо.

Я знала этот мир.

Запах нотной бумаги.

Потертые края клавиш.

Детские голоса в коридоре.

Разговоры преподавателей о том, кто опять забыл дневник.

Здесь никто не называл меня женой Дениса Горина.

Никому не требовалось, чтобы я соответствовала его положению.

Я была просто Верой Андреевной.

Преподавателем.

Первым пришел девятилетний мальчик по имени Степа.

Он сразу сообщил, что ненавидит гаммы.

— Это взаимно? — спросила я.

Он подозрительно посмотрел на меня.

— Что?

— Гаммы тебя тоже ненавидят?

Степа задумался.

— Не знаю.

— Давай проверим.

Через десять минут выяснилось, что гаммы совершенно ни при чем.

Степа не любил играть медленно.

Когда ошибался, начинал сначала, снова ускорялся и опять сбивался.

Мы договорились, что сегодня его задача — пройти

небольшой отрывок без спешки.

Он посмотрел на меня с недоверием.

— И все?

— Для начала.

— А если получится?

— Тогда посмотрим, что делать с твоей ненавистью.

Он улыбнулся.

К концу урока у него получилось.

Не идеально.

Но заметно лучше.

На прощание Степа сказал:

— Вы нормальная.

Я поблагодарила его за высокую оценку.

И, когда он ушел, несколько секунд сидела за инструментом с улыбкой.

Потом достала телефон.

По привычке захотелось написать Денису.

«Первый ученик назвал меня нормальной. Кажется, карьера складывается».

Я даже набрала сообщение.

Но остановилась.

Стерла.

Положила телефон рядом.

Оказывается, я слишком привыкла делиться с мужем маленькими событиями.

И теперь совершенно не понимала, куда девать эти ново-

сти.

Я открыла переписку с Оксаной.

Написала ей то же самое.

Она ответила почти сразу:

«Повышение до прекрасной получишь после второго урока».

Я рассмеялась.

И пошла встречать следующего ученика.

***

К шести вечера у меня немного болела спина.

Я успела провести три занятия, выпить два кофе и один раз забыть, куда положила очки.

Они нашлись на голове.

Оксана, конечно, это видела.

Я только собиралась разобрать бумаги, когда в дверь негромко постучали.

На пороге стояла девочка.

Высокая для своего возраста, худенькая, с темно-русыми волосами, собранными в хвост.

На плече у нее висел рюкзак.

Ногти были покрыты темно-фиолетовым лаком, причем на указательном пальце лак почти полностью облез.

— Здравствуйте. Я Кира.

— Вера Андреевна. Проходи.

Она вошла, поставила рюкзак на стул и посмотрела на рояль.

— А Елена Викторовна когда вернется?

— Примерно через восемь недель.

— Понятно.

По ее тону было ясно, что ничего хорошего в этом известии она не увидела.

Я не обиделась.

Смена преподавателя редко радует подростков, особенно когда впереди выступление.

— Можешь пока устроиться, — сказала я. — Мы сначала познакомимся.

Кира села на банкетку и открыла ноты.

В этот момент в коридоре послышались шаги.

— Кира, ты бутылку забыла.

В дверях появился мужчина.

Я сначала увидела широкие плечи в темной куртке, затем лицо.

Ему было около сорока пяти.

Темные волосы, немного седины у висков. Прямой нос, внимательный взгляд, заметная складка между бровями.

В одной руке он держал прозрачную бутылку с водой, в другой — телефон.

— Спасибо, пап.

Кира взяла бутылку.

Мужчина посмотрел на меня.

— Добрый вечер. Михаил Сергеевич Руднев.

— Вера Мельникова.

Я назвала девичью фамилию почти автоматически.

Раньше на работе меня знали именно так.

Позже я подумала, что формально все еще Горина, но исправляться не стала.

Он протянул руку.

Я пожала ее.

Ладонь у него была теплая, крепкая.

— Вы вместо Елены Викторовны?

— Да.

— Нам говорили.

Он перевел взгляд на дочь.

— Кира, ты объяснишь преподавателю, что у тебя с произведением?

Девочка сразу напряглась.

— Пап, я объясню.

— Потому что до концерта осталось совсем немного, а ты в последнее время вообще перестала заниматься.

Кира сжала губы.

Я увидела, как она опустила глаза на ноты.

— Мы разберемся, — сказала я.

Михаил снова посмотрел на меня.

— Я на это очень надеюсь.

Он говорил спокойно.

Но в голосе чувствовалась привычка получать результат.

— Проходите, если хотите, — предложила я. — Кира, ты не против, чтобы папа немного послушал?

Девочка пожала плечами.

— Мне все равно.

Я посмотрела на нее.

— Это не совсем ответ.

Она подняла глаза.

На секунду в них мелькнуло удивление.

Потом Кира сказала:

— Пусть останется.

Михаил сел у стены.

Я устроилась рядом с инструментом.

— Ну что, Кира. Рассказывай.

Она раскрыла ноты.

— Я хотела играть Фантазию-экспромт. Елена Викторовна разрешила попробовать.

— А что не получается?

— Ничего.

Я подождала.

Кира раздраженно выдохнула.

— Я играю, а потом все разваливается.

— В каком месте?

— Почти везде.

— Тогда покажи, где начинается это «почти».

Она села ровнее.

Подняла руки.

И заиграла.

Первые такты прозвучали вполне уверенно.

Я сразу заметила хорошую постановку рук, музыкальность, привычку слышать фразу.

Кира была способной.

Очень.

Но через несколько секунд темп стал ускоряться.

Правая рука начала опережать левую.

Девочка попыталась догнать саму себя, сбилась, вернулась на два такта назад.

Снова ускорилась.

Остановилась.

— Вот!

Она резко убрала руки.

— Я же говорила!

В комнате стало тихо.

Я посмотрела на нее.

— Ты хочешь попробовать еще раз?

— Зачем? Все равно не получится.

Сзади раздался голос Михаила:

— Потому что ты сама выбрала это произведение.

Кира сразу отвернулась.

— Пап!

— Я просто говорю, что нельзя бросать, как только стало трудно.

Я повернулась к нему.

— Михаил Сергеевич, можно я сначала поговорю с Кирой?

Он посмотрел на меня.

Не сердито.

Скорее удивленно.

— Конечно.

Я снова обратилась к девочке.

— Кира, что тебе нравится в этой музыке?

Она пожала плечами.

— Она красивая.

— Вся?

— Да.

— Даже то место, где у тебя не получается?

Девочка посмотрела на меня с подозрением.

— Особенно оно.

— Почему?

Она немного помолчала.

— Потому что там быстро. И как будто все несется куда-то.

Я кивнула.

— Понимаю.

— И я хотела, чтобы на концерте было красиво. Чтобы все слушали.

Она произнесла это почти сердито.

Будто заранее ожидала насмешки.

— Хорошее желание, — сказала я.

Кира подняла на меня глаза.

— Правда?

— Конечно. А что тебе мешает?

Она посмотрела на ноты.

— Я не успеваю.

— Что именно?

— Руки.

— Давай попробуем без спешки.

Я попросила ее сыграть небольшой отрывок медленно.

Не все произведение.

Всего четыре такта.

Кира начала, но уже через несколько секунд снова ускорилась.

Я остановила ее.

— Смотри. Ты прекрасно знаешь, куда должны попасть пальцы. Но каждый раз торопишься услышать, как это будет звучать в готовом виде.

Она недовольно сдвинула брови.

— Потому что медленно некрасиво.

— А быстро с ошибками красиво?

Девочка посмотрела на меня.

Потом неожиданно улыбнулась.

— Тоже нет.

— Вот и договорились.

Я села рядом и показала, как можно разбирать сложный ритмический рисунок по частям.

Сначала без инструмента.

Потом отдельно руками.

Потом вместе, в очень медленном темпе.

Кира сначала отвечала односложно.

Но постепенно увлеклась.

Мы повторили один короткий фрагмент несколько раз.

На последнем повторении она сыграла его ровно.

Не быстро.

Зато без ошибок.

Кира удивленно посмотрела на собственные руки.

— Получилось.

— Получилось.

— А можно быстрее?

— Можно. Но не сегодня.

Она тяжело вздохнула.

— Почему все хорошее нельзя сразу?

Я улыбнулась.

— Отличный вопрос. К сожалению, у меня пока нет ответа, который тебе понравится.

Кира рассмеялась.

Я услышала, как Михаил тихо хмыкнул у стены.

Мы продолжили занятие.

Через некоторое время я предложила девочке посмотреть другие произведения для ближайшего выступления.

— Ты предлагаешь мне отказаться от Фантазии? — насторожилась она.

— Предлагаю решить, что ты хочешь сыграть хорошо через несколько недель, а что готова учить дольше.

— Это одно и то же.

— Иногда нет.

Она задумалась.

— Но я уже всем сказала, что буду ее играть.

Я поняла.

Вот в чем была настоящая беда.

Не только в сложности.

Кира боялась признать, что выбрала произведение, к которому пока не готова.

— Кому всем?

— Девочкам из класса.

— И что они скажут, если ты выберешь другое?

Она отвернулась.

— Что я не смогла.

Михаил пошевелился на стуле.

Я посмотрела на девочку.

— А если ты сыграешь это с ошибками и сама будешь недовольна?

— Тоже плохо.

— Тогда давай выбирать не между «смогла» и «не смогла», а между тем, что ты можешь хорошо подготовить к концерту, и тем, что хочешь освоить позже.

Кира долго смотрела на ноты.

Потом спросила:

— А Фантазию я смогу когда-нибудь сыграть?

— Думаю, да. Но для этого нужно будет работать спокой-

но и достаточно долго.

— Сколько?

— Я не могу назвать точный срок, пока не узнаю тебя лучше. Но мы можем продолжать разбирать ее понемногу, даже если на ближайшем концерте ты сыграешь другое.

Она посмотрела на меня внимательнее.

— То есть я не брошу?

— Нет. Просто не станешь торопить себя ради даты.

Кира задумалась.

Потом неожиданно сказала:

— А Елена Викторовна говорила почти так же.

Я улыбнулась.

— Значит, мы с ней в чем-то согласны.

— Я думала, она просто не хочет, чтобы я играла сложное.

— А сейчас?

Кира опустила глаза.

— Не знаю. Наверное, я на нее зря злилась.

Я не стала развивать эту мысль.

У подростков и без взрослых хватает причин чувствовать себя виноватыми.

Мы посмотрели несколько вариантов.

Я сыграла для нее Вальс до-диез минор Шопена.

Кира слушала внимательно.

Когда я закончила, она попросила:

— Еще раз.

Я сыграла.

— Красиво, — признала она.

— Тебе нравится?

— Да. Но он тоже сложный.

— Конечно. Хорошая музыка не всегда бывает простой. Только здесь у тебя уже есть основа, с которой можно работать.

Она задумалась.

— А можно попробовать?

Мы договорились, что она возьмет ноты домой и посмотрит произведение до следующего занятия. Окончательно решать программу будем после того, как она сама попробует.

Кира убрала ноты в папку.

И вдруг спросила:

— А вы давно преподаете?

Я улыбнулась.

— Достаточно давно.

— А почему я вас раньше не видела?

Я на секунду замолчала.

— Несколько лет я работала меньше. Сейчас решила вернуться к более плотному расписанию.

— А почему?

Прямой детский вопрос.

Без желания задеть.

Просто любопытство.

Я посмотрела на нее.

— Потому что соскучилась.

Кира кивнула.

Будто такой ответ ее вполне устраивал.

***

Когда занятие закончилось, Михаил поднялся.

— Кир, собери вещи. Я в коридоре подожду.

— Пап, ты можешь идти. Я сама.

— Я и так собирался.

Она закатила глаза.

Но уже без злости.

Он вышел.

Кира аккуратно сложила ноты, застегнула рюкзак.

Потом задержалась у двери.

— Вера Андреевна?

— Да?

— А если я все-таки захочу играть Фантазию на концерте?

Я посмотрела на нее.

— Тогда мы честно оценим, успеваем ли подготовиться. И если нет, решим, что важнее: именно этот концерт или произведение, которое тебе очень нравится.

Она вздохнула.

— Понятно.

— Кира.

— Что?

— Неудача на одном концерте не означает, что ты плохой музыкант.

Она несколько секунд смотрела на меня.

Потом тихо сказала:

— Я знаю.

Но по тому, как прозвучали эти слова, я поняла, что знает она это только головой.

— Хорошо, — ответила я. — До следующего занятия.

— До свидания.

Она вышла.

Я осталась одна.

Посмотрела на часы.

Урок немного затянулся.

Спина болела, хотелось воды.

Но я чувствовала приятную усталость.

Такую, какая бывает после работы, в которой ты действительно нужен.

Не потому, что кто-то не справился без тебя с заказом цветов или выбором подарка.

А потому, что ты помог человеку разобраться в том, что у него не получалось.

Я закрыла ноты.

В дверях снова появился Михаил.

— Можно?

— Конечно.

Он вошел, но остался у порога.

— Хотел поблагодарить вас.

Я удивилась.

— За что?

— За то, что не стали заставлять ее играть до последнего.

Я улыбнулась.

— Это моя работа.

— Все равно. Последние две недели дома только и разговоров, что об этом концерте. Сначала она требовала, чтобы я слушал. Потом запрещала заходить в комнату. Вчера заявила, что больше вообще не будет заниматься музыкой.

— Бывает.

Михаил посмотрел на рояль.

— Я, наверное, слишком давил.

Я помолчала.

Он говорил без привычной родительской самозащиты.

Просто констатировал то, что заметил.

— Вы хотите, чтобы она не бросала начатое, — сказала я.

— Да. Я не люблю, когда человек отступает после первой трудности.

— Понимаю. Только Кира сейчас не отступает. Она пытается справиться с тем, что пока выходит за пределы ее возможностей.

Он задумался.

— Но ведь если все время выбирать то, что легко, ничему не научишься.

— Согласна. Только между «легко» и «пока слишком трудно» есть много ступеней.

Он посмотрел на меня.

— То есть ей нужно другое произведение?

— Возможно. И параллельно можно заниматься тем, которое она выбрала. Главное, чтобы музыка не превратилась для нее в постоянное доказательство собственной состоятельности.

Михаил усмехнулся.

— Вы сейчас сказали именно то, что я сам должен был понять.

— Не обязательно. Вы же не преподаватель фортепиано.

— Это точно.

Он улыбнулся.

И лицо его неожиданно изменилось.

Складка между бровями разгладилась, у глаз появились небольшие морщинки.

Я заметила их.

И почему-то сразу отвела взгляд.

— Кира способная, — сказала я. — Очень. Просто сейчас она больше боится ошибиться, чем хочет играть.

Михаил кивнул.

— Я поговорю с ней.

— Только не превращайте это в еще одно серьезное совещание.

Он рассмеялся.

Негромко.

Очень приятно.

— Вы меня уже раскусили?

— Я видела, как вы входили в кабинет.

— И как?

— Так, будто собирались принимать отчет о проделанной работе.

Он покачал головой.

— Вот черт.

Я неожиданно рассмеялась вместе с ним.

Потом он посмотрел на часы.

— Ладно, не буду вас задерживать. Спасибо еще раз.

— Пожалуйста.

Он уже собирался выходить, когда я поднялась с банкетки.

Она неприятно качнулась.

Я машинально ухватилась за край рояля.

Михаил сразу обернулся.

— Осторожно.

— Все нормально.

Я выпрямилась.

Он подошел ближе и посмотрел на банкетку.

— Она давно так стоит?

— Не знаю. Сегодня первый раз заметила.

Я попробовала слегка пошатать сиденье.

Одна ножка заметно двигалась.

— Надо сказать Оксане, — пробормотала я.

Михаил опустился на корточки и внимательно осмотрел соединение.

Я немного растерялась.

Не ожидала, что взрослый мужчина в хорошей куртке и дорогих часах станет рассматривать мебель прямо посреди кабинета.

— Разболталось крепление, — сказал он. — И дерево, похоже, треснуло возле шипа.

— Это серьезно?

— Смотря насколько давно так стоит. Сейчас лучше не пользоваться.

Он поднял голову.

— У вас есть другая?

— Думаю, да. В соседнем кабинете.

Михаил встал.

— Я могу забрать эту в мастерскую. Если ваша руководительница не против.

Я удивленно посмотрела на него.

— Вы занимаетесь ремонтом мебели?

— В том числе.

Он достал из кармана визитку.

— У меня компания по реставрации. В основном интерьеры, двери, старые деревянные конструкции. Но мебель тоже делаем.

Я взяла карточку.

Михаил Сергеевич Руднев.

Под именем значились название компании, телефон и адрес.

— Спасибо. Я спрошу Оксану.

— Конечно. Если согласится, организую доставку. Хорошую банкетку жалко выбрасывать из-за одного крепления.

Я повернула карточку в пальцах.

— А вы сразу поняли, что именно сломалось?

Он улыбнулся.

— Я этой работой больше двадцати лет занимаюсь. Было бы обидно, если бы не понял.

Из коридора донесся голос Киры:

— Пап! Ты там жить остался?

Михаил закатил глаза.

Совсем как его дочь несколькими минутами раньше.

Я не удержалась от улыбки.

— Вас вызывают.

— Да, у меня сегодня очень строгий руководитель.

Он направился к двери.

Потом остановился.

— Вера Андреевна?

— Да?

— Вы ведь скажете, если Кира совсем перестанет заниматься дома?

— Скажу, если увижу, что у нас не получается двигаться дальше. Но сначала попробую решить это с ней самой.

Михаил несколько секунд смотрел на меня.

Потом кивнул.

— Договорились.

Он вышел.

А я осталась рядом с роялем, держа визитку.

Ничего особенного не произошло.

Обычный урок.

Обычный разговор с родителем.

Я встречала сотни таких родителей за годы работы.

И все же мне почему-то запомнилось, как Михаил смеялся.

Не широко, не нарочито.

Просто у него был хороший смех.

Я положила визитку на стол.

И только тогда заметила, что улыбаюсь.

***

Оксана пришла через десять минут.

— Ну что, как Кира?

Я сидела за столом и записывала, чем мы занимались.

— Способная. Очень. Только у нее сейчас больше страха, чем упрямства.

Оксана присела на соседний стул.

— Я так и думала.

— Мы попробуем другое произведение для концерта. А Фантазию оставим на более спокойную работу.

— Хорошо.

Я показала ей записи.

Оксана внимательно просмотрела.

— Отлично, Вер. Я знала, что ты справишься.

Я улыбнулась.

— Ты это говоришь, потому что тебе некому было заменить преподавателя.

— И поэтому тоже.

Она рассмеялась.

Потом посмотрела на рояль.

— Что у тебя с банкеткой?

— Одна ножка разболталась. Я хотела сказать. Надо ее убрать, пока кто-нибудь не упал.

— Опять? Я же просила мастера посмотреть.

— Не знаю, смотрел ли. Но один родитель предложил отремонтировать.

— Кто?

— Михаил Руднев. Отец Киры.

Оксана подняла брови.

— А, Михаил Сергеевич.

— Ты его знаешь?

— Видела несколько раз. Он иногда привозит дочь. Кажется, у него серьезная реставрационная компания.

— Да, он сказал.

Я протянула визитку.

Оксана прочитала.

— Слушай, если он действительно готов помочь, это будет прекрасно. Только давай сначала уточним стоимость.

— Я тоже так подумала.

— И заберем из соседнего кабинета запасную банкетку.

Она посмотрела на меня внимательнее.

— А он что, сам заметил, что она шатается?
— Я встала, она качнулась. Он посмотрел.
— Понятно.
Оксана улыбнулась.
Я сразу насторожилась.
— Что?
— Ничего.
— Оксана.
— Что Оксана? Я просто спросила.
— У тебя такое выражение лица.
— Какое?
— Как будто ты собираешься сказать глупость.
Она рассмеялась.
— Вера, я всего лишь хотела спросить, не устала ли ты.
Я посмотрела на нее с недоверием.
— Конечно.
— Ну хорошо. Еще хотела спросить, симпатичный ли он.
Я закрыла глаза.
— Господи.
— Что?
— Я только что развелась... То есть даже еще не развелась.
— Я в курсе.
— И вообще...
— Вер, я не предлагаю тебе выйти за него замуж.
Я посмотрела на подругу.
Она уже откровенно веселилась.

— Ты неисправима.

— Возможно.

Оксана поднялась.

— Ладно, не буду приставать. Но заметь, я просто спросила, симпатичный ли он. А ты сама уже придумала свадьбу.

Я бросила в нее скомканной салфеткой.

Она увернулась и со смехом вышла.

Я покачала головой.

Потом открыла блокнот и продолжила записи.

Конечно, Михаил был симпатичным.

Глупо было отрицать очевидное.

Но это ничего не значило.

Я видела его меньше часа.

Знала, что у него есть дочь, реставрационная компания и привычка требовать результата.

Вот и все.

К тому же у меня сейчас были совершенно другие заботы.

Я аккуратно сложила бумаги, убрала ноты и приготовилась идти домой.

Домой.

Слово прозвучало в голове непривычно.

Раньше домом был большой светлый особняк, в котором жили мы с Денисом.

Теперь — небольшая съемная квартира.

Я еще не привыкла к этому.

Но сегодня мне впервые захотелось туда вернуться.

***

По дороге я зашла в магазин.

Купила молоко, яйца, хлеб, помидоры и макароны.

Потом долго стояла перед полкой с посудой.

Мне нужна была кастрюля.

Дома у Дениса их было, наверное, штук десять.

От крошечного ковшика до огромной тяжелой кастрюли, в которой я однажды пыталась сварить суп для приехавших родственников.

Я вспомнила тот вечер.

Денис тогда сказал, что я приготовила слишком много.

А потом три дня ел этот суп и каждый раз хвалил.

Я улыбнулась воспоминанию.

И тут же почувствовала боль.

Но на этот раз не стала убирать его из головы.

Да, у нас были хорошие дни.

Много.

Этого никто не мог отнять.

И все же хорошие дни не отменяли произошедшего.

Я выбрала небольшую кастрюлю с толстым дном.

Потом увидела рядом комплект полотенец.

Голубых.

Почти такого же оттенка, как то старое, которое осталось в нашем доме.

Я взяла одно.

Подержала в руках.

И вдруг передумала.

Вернула на полку.

Выбрала темно-зеленое.

Не потому, что хотела начать жизнь с символической перемены цвета.

Просто зеленое мне понравилось больше.

А голубое я когда-то купила, потому что Денис сказал, что оно подходит к плитке в ванной.

Я положила полотенце в корзину.

И пошла к кассе.

***

В квартире было прохладно.

Я включила свет, поставила пакеты на кухонный стол и первым делом открыла окно.

Из двора доносились детские голоса.

Кто-то смеялся.

Где-то лаяла собака.

Я распаковала продукты.

Поставила новую кастрюлю на плиту.

Потом достала телефон.

На экране были сообщения от Дениса.

Первое пришло еще днем.

«Вера, завтра приедет бухгалтер. Нужно подписать документы по квартире. Когда тебе удобно?»

Второе:

«Марина спрашивала насчет субботнего ужина. Ты ведь

обещала связаться с рестораном. Все остается в силе?»

Я перечитала.

Марина была помощницей Дениса.

Субботний ужин мы планировали еще месяц назад.

Должны были приехать двое его деловых партнеров с женами. Денис хотел организовать вечер дома, а я договаривалась с поваром, выбирала меню, уточняла, у кого есть ограничения в еде.

Обычная история.

Таких вечеров за одиннадцать лет были десятки.

И вот теперь, после всего, что произошло, Денис спрашивал, остается ли ужин в силе.

Я даже не сразу рассердилась.

Сначала мне стало смешно.

Четыре года другой женщины.

Трехлетняя дочь.

Разрушенный брак.

Но ресторан все еще ждал моего звонка.

Я набрала ответ:

«По документам напиши отдельно, что именно требуется подписать. Я посмотрю и согласую время. Ужин организуй сам. Я этим больше не занимаюсь».

Отправила.

Поставила телефон на стол.

Через минуту он зазвонил.

Денис.

Я смотрела на экран, пока звонок не закончился.

Потом пришло сообщение.

«Вера, я же не прошу тебя ничего особенного. Ты уже обо всем договорилась, осталось только подтвердить».

Я почувствовала, как внутри поднимается злость.

Вот теперь настоящая.

Не та, которая появлялась между слезами.

А ясная, холодная.

Я взяла телефон.

«Тогда тебе будет несложно подтвердить все самому».

Он ответил:

«Зачем ты так со мной разговариваешь?»

Я села на табурет.

Несколько секунд смотрела на экран.

В голове крутились десятки язвительных ответов.

Я могла написать, что после четырех лет обмана странно ожидать от жены прежней любезности.

Могла спросить, не хочет ли он пригласить Полину.

Могла отправить ему то самое видео.

Но вдруг поняла, что не хочу тратить сегодняшний вечер на переписку.

Я написала:

«Денис, я больше не организую твои приемы. По вопросам документов готова общаться отдельно».

И убрала телефон.

На этот раз он не ответил.

Я встала, включила плиту и начала готовить ужин.

Макароны с помидорами.

Ничего сложного.

Но когда вода закипела, я неожиданно почувствовала удовлетворение.

У меня была своя кастрюля.

Своя маленькая кухня.

Работа, на которую завтра нужно прийти к определенному часу.

И никто не собирался спрашивать, достаточно ли хорошее меню я выбрала для гостей.

Я поставила тарелку на стол.

Села.

Попробовала.

Пересолила.

Пришлось добавить немного воды к помидорам и все перемешать.

Получилось вполне съедобно.

Я даже рассмеялась.

— Ну вот, Вера Андреевна, — сказала я вслух. — С голоду не умрем.

Никто не ответил.

И эта тишина вдруг оказалась не такой страшной, как вчера.

***

Позже я позвонила маме.

Несколько дней назад сказала ей только, что мы с Денисом поссорились и я временно живу у Оксаны.

Мама сначала хотела приехать.

Я попросила не торопиться.

Мне нужно было самой немного прийти в себя.

Сегодня я решила рассказать правду.

Она ответила почти сразу.

— Верочка, как ты?

— Нормально, мам.

Я помолчала.

Потом поправилась:

— Не очень. Но лучше, чем вчера.

— Денис приезжал?

— Нет.

— Вы поговорили?

— Да. Еще в тот вечер.

Мама вздохнула.

— Вер, может, не стоит рубить с плеча? Вы столько лет вместе.

Я закрыла глаза.

Она не знала.

Не представляла, что случилось.

И я понимала, почему она говорила именно так.

— Мам, у Дениса есть ребенок.

Тишина.

— Что?

— Дочь. Ей три года.

На другом конце скрипнул стул.

— От кого?

— От другой женщины.

Она долго молчала.

Потом тихо спросила:

— Он сам сказал?

— Мне написала мать девочки. Денис все подтвердил.

— Господи.

Я посмотрела на свою маленькую кухню.

На новую кастрюлю.

На пакет с хлебом.

Мама шумно выдохнула.

— Верочка...

И заплакала.

Я не ожидала.

Сама уже почти успокоилась, а теперь снова почувствовала комок в горле.

— Мам, пожалуйста, не плачь.

— Как же так...

— Я не знаю.

— Ты ведь так хотела...

Она не договорила.

Не смогла.

Я закрыла глаза.

Мама знала.

Все эти годы знала, как мне хотелось ребенка.

Сначала пыталась разговаривать с Денисом.

Потом я попросила ее не вмешиваться.

Позже перестала обсуждать это даже с ней.

Мне казалось, что если окружающие перестанут напоминать, то будет легче.

Но желание никуда не исчезало.

— Я подам на развод, — сказала я.

Мама молчала.

— Я уже сняла квартиру. И вышла на работу.

— На какую?

— К Оксане. Преподавать.

— Ты ведь давно хотела.

Я посмотрела в окно.

— Да.

Мама всхлипнула.

— Верочка, приезжай ко мне. Поживешь, сколько захочешь.

— Спасибо. Но я хочу остаться здесь.

— Ты одна...

— Мам, я не одна. У меня ты. Оксана. И я сама у себя есть.

Я произнесла последнее почти не задумываясь.

Мама помолчала.

Потом сказала:

— Только не старайся сейчас быть сильной каждую минуту. Хорошо?

Я улыбнулась сквозь слезы.

— Хорошо.

Мы поговорили еще немного.

Она расспросила про квартиру, работу, здоровье.

Попросила не забывать есть.

Пообещала приехать на выходных, если я не буду против.

Я согласилась.

Когда мы попрощались, мне стало немного спокойнее.

Правда постепенно переставала быть чем-то, что я должна была прятать.

Я не обязана была рассказывать ее всем подряд.

Но и изображать счастливую жену больше не собиралась.

***

На следующий день Кира пришла на занятие раньше времени.

Я как раз разбирала ноты предыдущего ученика, когда она осторожно заглянула в кабинет.

— Можно?

— Конечно. Заходи.

Она прошла к роялю.

На этот раз волосы были распущены, а на рюкзаке появился маленький брелок в виде смешного зеленого лягушонка.

— Я попробовала Вальс, — сказала она.

— И как?

— Не знаю.

Она положила ноты на пюпитр.

— Можно покажу?

Я посмотрела на часы.

До начала занятия оставалось десять минут.

— Давай.

Кира села и начала играть.

Медленно.

Очень осторожно.

С ошибками, конечно.

Но теперь она не пыталась их скрыть скоростью.

Я слушала.

Когда девочка остановилась, спросила:

— Ну как тебе?

Она задумалась.

— Нравится.

— А что не нравится?

Кира сморщила нос.

— Здесь левая рука какая-то странная. Я не понимаю, как ее делать красиво.

Я улыбнулась.

— Отлично.

Она удивленно посмотрела на меня.

— Что отлично?

— Ты уже знаешь, над чем хочешь работать.

Кира немного подумала.

Потом улыбнулась.

— Папа сказал, что я могу поменять произведение.

— Хорошо.

— Он еще сказал, что иногда лучше выбрать то, что получится, чем упираться просто потому, что уже всем рассказала.

Я подняла брови.

— Интересная мысль.

Кира посмотрела на меня с подозрением.

— Вы ему сказали?

— Мы немного поговорили после занятия.

— Я так и знала.

Она закатила глаза.

Но улыбнулась.

— Он вообще иногда бывает нормальный.

Я рассмеялась.

— Иногда?

— Ну да. Когда не начинает объяснять мне, как правильно жить.

— А часто начинает?

— Он же папа.

Кира произнесла это с таким тяжелым вздохом, что я не удержалась от смеха.

Она тоже засмеялась.

Потом вдруг спросила:

— А у вас дети есть?

Улыбка исчезла с моего лица.

Вопрос прозвучал совершенно неожиданно.

Я смотрела на девочку, которая сидела передо мной за роялем, и чувствовала, как неприятно сжалось горло.

— Нет, — ответила я.

Кира кивнула.

— А. Понятно.

И сразу вернулась к нотам.

Для нее вопрос не имел никакого скрытого смысла.

Просто любопытство.

Я была взрослой женщиной.

Она спросила, есть ли у меня дети.

Услышала ответ.

И забыла.

А я несколько секунд не могла сделать вдох.

Потом заставила себя посмотреть на ноты.

— Давай начнем с левой руки.

Кира послушно положила пальцы на клавиши.

Мы занимались почти час.

К концу занятия она заметно устала, но не злилась.

Наоборот, попросила записать, что именно нужно разобрать дома.

Я открыла ее дневник.

Аккуратно записала задания.

Когда вернула, Кира неожиданно сказала:

— А вы мне нравитесь.

Я подняла голову.

— Спасибо.

— Вы не говорите, что я просто ленюсь.

Я посмотрела на нее.

— А ты ленишься?

Она задумалась.

— Иногда.

— Я тоже.

Кира рассмеялась.

— Правда?

— Конечно. Особенно когда нужно разбирать сложный отрывок, а хочется сразу играть красиво.

Она посмотрела на меня с удивлением.

— Я думала, у взрослых такого не бывает.

— Бывает. Просто мы научились делать вид, что всегда очень ответственные.

Кира хихикнула.

Потом собрала вещи.

У двери обернулась.

— До свидания, Вера Андреевна.

— До свидания, Кира.

Она вышла.

Я осталась одна.

И вдруг почувствовала, что мне хочется плакать.

Не от ее вопроса.

Точнее, не только от него.

А от того, как легко и просто прошел этот час.

Я была нужна.

Не как жена.

Не как хозяйка большого дома.

Не как женщина, которая должна была поддерживать привычную жизнь мужа.

А как человек, который умеет чему-то научить.

Я опустилась на стул.

Несколько секунд сидела неподвижно.

Потом достала телефон и написала Оксане:

«Кира согласилась на Вальс. Кажется, дело пошло».

Она ответила:

«Я же говорила. Иди ко мне после занятий, у меня пирог».

Я улыбнулась.

Жизнь не становилась хорошей за несколько дней.

Но в ней снова появлялись маленькие хорошие вещи.

И сегодня их было уже больше одной.

***

Вечером я задержалась в школе.

Оксана ушла на встречу с бухгалтером.

В коридоре постепенно стихали голоса.

Я закрывала кабинет, когда увидела на столе визитку Михаила.

Она лежала рядом с папкой Киры.

Я взяла ее.

Вспомнила, что так и не уточнила у Оксаны, готова ли она отдать банкетку в ремонт.

Мы обсуждали это, но потом отвлеклись.

Я достала телефон.

Написала подруге:

«Оксан, по банкетке. Михаил Руднев предлагал отремонтировать в своей мастерской. Можно узнать стоимость и условия?»

Ответ пришел через минуту.

«Конечно. Только пусть сначала скажет цену. И обязательно договоримся, кто забирает и привозит».

Я улыбнулась.

Практичная Оксана.

Никаких подвигов.

Никаких благодарных поклонов.

Обычная работа, у которой должна быть стоимость и условия.

Я снова посмотрела на визитку.

Михаил Руднев.

Я вспомнила, как он сидел у стены во время занятия.

Сначала с недовольным выражением лица.

Потом внимательно слушал.

А в конце признал, что слишком давил на дочь.

Это мне понравилось.

Не его куртка.

Не дорогие часы.

И даже не то, что он был привлекательным мужчиной.

Мне понравилось, что он смог услышать неприятное.

Я вдруг поймала себя на мысли, что Денис, наверное, на-

чал бы спорить.

Не обязательно грубо.

Он просто объяснил бы, почему его подход правильный.

И говорил бы до тех пор, пока я не согласилась.

Я вздохнула.

Опять.

Я снова сравнивала незнакомого мужчину с мужем.

Несправедливо по отношению к обоим.

Михаила я почти не знала.

Дениса, как оказалось, тоже знала гораздо хуже, чем думала.

Я положила карточку в сумку.

Завтра позвоню.

Уточню стоимость ремонта.

И все.

Ничего особенного.

***

Домой я вернулась около восьми.

В квартире пахло яблоками и свежим бельем.

Сегодня утром я наконец купила цветы.

Небольшой букет белых хризантем.

Они стояли на кухонном столе в прозрачной вазе.

Я сняла пальто, переоделась и включила музыку.

Не громко.

Просто чтобы не было слишком тихо.

Потом разогрела ужин.

Села за стол.

И впервые за несколько дней не потянулась сразу к телефону.

Я ела и смотрела в окно.

Думала о Кире.

О ее неловких попытках сыграть новый Вальс.

О Степе, который сегодня сам попросил еще раз пройти гамму.

О том, что нужно купить новую папку для нот.

В какой-то момент я поймала себя на улыбке.

Не заставляла себя.

Не пыталась доказать, что у меня все прекрасно.

Просто вспомнила, как Кира сказала, что иногда ее папа бывает нормальным.

И улыбнулась.

Потом телефон все-таки завибрировал.

Денис.

Я посмотрела на имя.

Сердце привычно дрогнуло.

Сразу.

Будто ничего не изменилось.

Будто все еще можно было взять трубку, услышать его голос и вернуться туда, где я была женой любимого человека.

Я дождалась, пока звонок закончится.

Потом пришло сообщение.

«Вер, я сегодня проходил мимо твоей любимой пекарни.

Купил те булочки с корицей. И только потом вспомнил, что тебя нет дома».

Я закрыла глаза.

Эти булочки.

По воскресеньям Денис иногда привозил их вместе с кофе.

Я любила есть их теплыми, отрывая маленькие кусочки.

Он смеялся, что я растягиваю удовольствие на полчаса.

Я посмотрела на сообщение.

И заплакала.

Совсем немного.

Слезы скатились по щекам, упали на домашнюю футболку.

Я не стала их вытирать сразу.

Мне было жаль нас.

Того Дениса, который покупал булочки.

Ту Веру, которая радовалась их запаху.

Наших воскресений.

Нашей жизни, которой, как выяснилось, было недостаточно, чтобы он оставался верным.

Я не хотела делать вид, что ничего хорошего не было.

Но возвращаться к человеку, который столько лет скрывал от меня другую семью, тоже не хотела.

Я открыла переписку.

Начала писать:

«Спасибо, что вспомнил».

Остановилась.

Стерла.

Потом набрала:

«Денис, пожалуйста, не пиши мне такие сообщения. Я понимаю, что ты скучаешь по нашей жизни. Я тоже иногда скучаю. Но это не меняет моего решения».

Отправила.

Положила телефон на стол.

Ответа ждать не стала.

Я доела ужин, помыла тарелку и подошла к окну.

Во дворе почти никого не осталось.

Только у подъезда стоял мужчина с маленькой собакой.

Он разговаривал по телефону, иногда наклоняясь, чтобы поправить поводок.

Я смотрела на него и вдруг вспомнила Михаила.

Не знаю почему.

Наверное, из-за того, как он наклонился к банкетке, чтобы посмотреть сломанное крепление.

Большой взрослый мужчина, который мог просто сказать, что мебель старая и ее пора выбросить.

Но вместо этого внимательно осмотрел дерево и предложил починить.

Мне понравилось это простое отношение к вещам.

Если что-то можно исправить, стоит хотя бы посмотреть.

Я улыбнулась собственной мысли.

Потом закрыла шторы.

Проверила, выключена ли плита.

Поставила на зарядку телефон.

Завтра у меня было четыре занятия.

Нужно было прийти вовремя, подготовить ноты и поговорить с Оксаной о расписании на следующую неделю.

Обычные дела.

Моя работа.

Моя маленькая квартира.

Моя жизнь.

Я легла в постель.

И впервые за несколько ночей уснула не с телефоном в руках, ожидая очередного сообщения мужа.

А с мыслью о завтрашнем уроке.

Глава 3. Мне было с ним смешно

В следующий четверг утром я обнаружила, что разговариваю с холодильником.

— Ну и что мне с тобой делать? — спросила я, рассматривая три яйца, кусочек сыра и половину помидора.

Холодильник, естественно, промолчал.

Я закрыла дверцу, постояла посреди кухни и вдруг рассмеялась.

Раньше подобные вопросы я задавала Денису. Он заглядывал в холодильник, делал серьезное лицо и предлагал заказать завтрак из ресторана.

Я возмущалась.

Говорила, что из трех яиц вполне можно приготовить омлет.

Он отвечал, что тогда непременно хочет омлет.

И мы начинали спорить, кто будет его готовить.

Теперь спорить было не с кем.

Я достала яйца, нашла сковородку и включила плиту.

За окном моросил дождь. Сентябрь постепенно становился холоднее, и я впервые пожалела, что при переезде не забрала свое любимое теплое пальто.

Оно осталось в шкафу нашего дома.

Как и большая часть моей одежды.

Как фотографии.

Книги.

Посуда, которую мы покупали вместе.

Я несколько дней составляла список вещей, которые хотела забрать, но каждый раз останавливалась на середине.

Не потому, что сомневалась в своем праве.

Просто мне было трудно представить, как я войду в спальню, открою шкаф и начну делить нашу жизнь на мое и его.

Юрист, с которым я договорилась встретиться завтра, посоветовал пока ничего не решать сгоряча.

Документы я собрала.

Список имущества начала.

А сегодня собиралась просто работать.

Я переложила омлет на тарелку, налила кофе и села у окна.

Телефон завибрировал.

Оксана.

«Доброе утро. Михаил Руднев сообщил, что банкетку закончили. Прислал счет и фотографии. Я все согласовала и оплатила. Ты сегодня после обеда мимо их мастерской не поедешь?»

Я вспомнила, что действительно собиралась заехать в музыкальный магазин неподалеку.

Нужны были ноты для двух учеников и новый метроном. Старый в школе работал через раз.

«Могу заехать. Она в машину поместится?»

«Небольшая. Закажем такси. Только сама ее не таскай».

Я улыбнулась.

Оксана знала меня слишком хорошо.

«Хорошо. Заберу».

Через минуту пришел адрес.

Следом сообщение:

«И не забудь поесть. Ты вчера опять до вечера на кофе жила».

Я посмотрела на свой омлет.

«Уже ем. Можешь гордиться».

«Горжусь. Но это не повод пропускать обед».

Я убрала телефон.

Дождь усилился.

Я доела завтрак, помыла посуду и пошла собираться.

На выбор одежды ушло неожиданно много времени.

Сначала я достала привычные черные брюки и светлую блузку.

Потом посмотрела на себя в зеркало.

Ничего плохого.

Аккуратно, удобно, вполне подходяще для рабочего дня.

Но мне вдруг захотелось надеть платье.

Темно-зеленое, из мягкого трикотажа.

Я купила его еще весной и ни разу не надела.

Денис тогда сказал, что цвет красивый, но фасон слишком простой для мероприятий, на которые мы ходили.

Я убрала платье в шкаф.

А теперь оно оказалось здесь, в съемной квартире, среди

немногих вещей, которые я забрала из дома.

Я надела его.

Повертелась перед зеркалом.

Платье мягко облегало фигуру, подчеркивало талию. С ним хорошо смотрелись мои старые сапоги.

Я распустила волосы.

Потом собрала.

Потом снова распустила.

И только когда взяла расческу в третий раз, поняла, что делаю.

Я хотела выглядеть красиво.

Не для работы.

Точнее, не только для нее.

Мне вспомнился Михаил Руднев.

Как он улыбался, когда я сказала, что вошел в кабинет с видом человека, ожидающего отчет.

Как внимательно слушал, когда мы обсуждали Киру.

Как опустился на корточки рядом со старой банкеткой, совершенно не заботясь о дорогих брюках.

Я посмотрела на себя в зеркало и тихо выругалась.

— Вера, тебе тридцать восемь лет.

Отражение не возразило.

— Ты собираешься забрать мебель, а не на свидание.

В этом заключалась вся нелепость.

Я едва знала мужчину.

Он был отцом моей ученицы.

И, возможно, вообще не заметил меня как женщину.

А я уже выбирала платье.

Я почти потянулась к черным брюкам.

Но остановилась.

Почему, собственно, нет?

Почему я не могу надеть красивую вещь только потому, что мне захотелось?

Я оставила платье.

Добавила небольшие серьги.

И впервые за много дней накрасила губы не самым незаметным оттенком помады.

***

До обеда у меня было два занятия.

Первой пришла семилетняя Соня, которая вчера объявила, что хочет стать балериной, а сегодня уже твердо решила быть пианисткой.

— А завтра? — спросила я.

— Завтра посмотрим.

Я едва удержалась от смеха.

Мы занимались почти сорок минут.

Потом пришел Артем, серьезный мальчик десяти лет, который каждый раз приносил с собой собственный карандаш и требовал, чтобы я записывала замечания только им.

Я послушно взяла карандаш.

Он одобрительно кивнул.

После уроков я собрала вещи, попрощалась с Оксаной и

поехала в музыкальный магазин.

На улице все еще моросило.

В магазине пахло бумагой и деревянными футлярами. Я задержалась возле полки с нотами, просмотрела несколько сборников и купила больше, чем собиралась.

Потом зашла в маленькое кафе.

Выпила кофе.

Съела горячий сэндвич.

И почувствовала неожиданное удовольствие от того, что никуда не тороплюсь.

Раньше даже свободное время редко принадлежало только мне.

Я всегда держала в голове расписание Дениса.

Не забыл ли он пообедать.

Когда вернется.

Нужно ли что-то подготовить к вечерней встрече.

Сегодня у меня был свободный час.

Я могла провести его где угодно.

В мастерскую я приехала около трех.

Здание оказалось старым, кирпичным, с большими окнами и тяжелыми железными воротами.

Возле входа стояла машина с открытым багажником. Двое мужчин осторожно выгружали высокие деревянные двери, обернутые защитной пленкой.

Я остановилась, чтобы пропустить их.

Один из рабочих придержал дверь.

— Вы к кому?

— К Михаилу Сергеевичу Рудневу. За банкеткой из музыкальной школы.

— А, понял. Проходите. Вам в офис, дверь направо.

Внутри пахло деревом.

Не магазинной новой мебелью, а настоящими досками, древесной пылью, лаком и чем-то немного сладковатым.

За стеклянной перегородкой стояли станки.

У дальней стены двое мастеров работали над большим шкафом. На столах лежали аккуратно разложенные деревянные детали.

Я остановилась возле старинного комода с резными ручками.

Одна его половина выглядела почти новой.

Другая была потемневшей, с царапинами и следами старого лака.

— Красивый, правда?

Я обернулась.

Михаил стоял в нескольких шагах.

Без куртки.

В темных джинсах и серой рубашке с закатанными рукавами.

На одном предплечье у него виднелось небольшое пятно древесной пыли.

Я почему-то заметила именно его.

— Очень, — ответила я. — Это вы реставрируете?

— Да. Комод конца девятнадцатого века. Пришел к нам в довольно печальном состоянии.

Я снова посмотрела на комод.

— И кто-то собирается поставить его дома?

— Именно. Хозяйка получила его от бабушки. Говорит, выбросить не сможет, а смотреть на то, во что он превратился, тоже тяжело.

— Понимаю.

Михаил подошел ближе.

— Добрый день, Вера Андреевна.

— Здравствуйте.

Он улыбнулся.

— Кира вчера сообщила, что вы умеете объяснять сложные вещи так, что они перестают казаться сложными.

Я удивилась.

— Правда?

— Приблизительно такими словами. Правда, потом добавила, что вы все равно заставляете ее играть медленно.

Я засмеялась.

— Это ужасная жестокость с моей стороны.

— Я тоже так считаю. Она сегодня с утра играла один и тот же кусок, пока я не попросил сделать перерыв.

— И что сказала?

— Что я мешаю ей заниматься.

Я рассмеялась еще сильнее.

Михаил покачал головой.

— Неделю назад я не мог усадить ее за инструмент. Теперь меня выгоняют из комнаты, потому что я отвлекаю.

— Значит, все идет хорошо.

— Для музыки, возможно. Для моего спокойствия не уверен.

Он улыбнулся.

И мне вдруг стало легко.

Совершенно неожиданно.

Я не думала о том, как выгляжу.

Не подбирала слова.

Не пыталась произвести впечатление.

Мы просто разговаривали.

— Вы за банкеткой? — спросил он.

— Да. Оксана попросила забрать. Я как раз была неподалеку.

— Пойдемте, покажу, что получилось.

Он провел меня через широкую дверь в соседнее помещение.

Там стояли несколько отреставрированных кресел, небольшой стол и наша банкетка.

Я узнала ее сразу.

Хотя выглядела она заметно лучше.

Дерево очистили, укрепили соединения, поверхность аккуратно обработали.

Сиденье осталось прежним.

— Мы сохранили все, что можно было сохранить, —

объяснил Михаил. — Одно соединение пришлось разобрать полностью. Там уже трещина пошла.

Он слегка надавил на край сиденья.

Банкетка не шелохнулась.

— Теперь можно спокойно пользоваться.

— Спасибо. Выглядит замечательно.

— Это хорошие вещи. Их часто меняют просто потому, что проще купить новые.

Я провела пальцами по гладкому краю.

— Для музыкальной школы это особенно важно. На таких банкетках по несколько поколений детей сидят.

— Вот именно.

Он посмотрел на меня.

— Хотите попробовать?

Я удивилась.

— Что?

— Сядьте. Проверим, удобно ли.

Я рассмеялась.

— Вы предлагаете мне провести испытание?

— Конечно. Должен же кто-то оценить работу.

Я села.

Пошевелилась.

Банкетка стояла совершенно устойчиво.

— Хорошо.

— Убедительно прозвучало.

— А что я должна сказать?

— Что это лучшая банкетка, на которой вы сидели в жизни.

Я посмотрела на него.

Он сохранял совершенно серьезное лицо.

Я тоже постаралась.

— Михаил Сергеевич, за долгие годы музыкальной карьеры я сидела на сотнях банкеток. Но эта навсегда останется в моем сердце.

Он не выдержал и рассмеялся.

Я засмеялась вместе с ним.

Сначала тихо.

Потом сильнее.

Смех получился настолько неожиданным, что я даже прикрыла рот ладонью.

Михаил посмотрел на меня с явным удовольствием.

— Вот теперь принимаю работу.

Я покачала головой.

— Оксана будет довольна.

— Я надеюсь. Все документы подготовлены, оплата прошла. Осталось передать банкетку.

— Я вызову такси.

— Поможем погрузить.

Он не стал настаивать на бесплатной доставке.

Не начал изображать человека, который одним движением решает все мои проблемы.

Просто предложил помощь с вещью, которую его компа-

ния отремонтировала.

И мне это понравилось.

***

Такси обещало приехать через двадцать минут.

Я уже собиралась выйти во двор, но Михаил посмотрел на экран моего телефона и сказал:

— Двадцать минут под дождем стоять необязательно. Можете подождать у нас.

— Спасибо. Я, наверное, посижу в офисе.

— Там сейчас бухгалтер разговаривает по телефону с человеком, который третий месяц не может правильно заполнить счет. Лучше пойдемте выпьем чаю.

Я улыбнулась.

— У вас всегда такие сложности с документами?

— Нет. Иногда они еще хуже.

Он показал на дверь в конце коридора.

За ней оказалась небольшая кухня.

Совершенно обычная.

Кофемашина, холодильник, стол, несколько стульев.

На подоконнике стоял цветок с пожелтевшими листьями.

Я посмотрела на него.

— Его кто-нибудь поливает?

Михаил проследил за моим взглядом.

— Регулярно.

— Кто?

— Не знаю. Все утверждают, что поливают. Возможно,

именно поэтому он и выглядит несчастным.

Я рассмеялась.

Он достал две чашки.

— Чай или кофе?

— Чай, пожалуйста.

— Черный?

— Да.

— С сахаром?

— Нет.

Он поставил чайник.

Я села за стол.

На стене висел календарь с фотографиями старинных дверей.

Я рассматривала их, пока Михаил доставал чай.

— Вы давно занимаетесь реставрацией? — спросила я.

— Двадцать с лишним лет. Сначала работал у мастера, потом открыл небольшую мастерскую. Сейчас у нас уже несколько направлений.

— А почему именно реставрация?

Он пожал плечами.

— Мне нравится понимать, как вещь устроена. И нравится возвращать ей нормальный вид, если это еще возможно.

— Практично.

— Иногда не очень. Некоторые заказчики приносят такие предметы, что дешевле построить новый дом вокруг них.

Я засмеялась.

Михаил поставил передо мной чашку.

— А вы всегда хотели преподавать?

Я задумалась.

— Нет. Сначала хотела стать концертирующей пианисткой.

— Почему не стали?

— Потому что примерно к двадцати годам поняла, что одной любви к сцене недостаточно.

Он сел напротив.

— Не получалось?

Я посмотрела на него.

Вопрос был прямым.

Но не неприятным.

— Получалось. Только не настолько хорошо, насколько мне хотелось. Я играла прилично, выступала, участвовала в конкурсах. А потом поняла, что мне гораздо интереснее объяснять другим, почему у них что-то не получается.

— Странное удовольствие.

— Очень.

— Особенно если ученик не слушает.

— Особенно.

Я улыбнулась.

— Знаете, однажды ко мне привели мальчика, который категорически отказывался заниматься. Ему было шесть лет. Мама мечтала, чтобы он стал музыкантом, а сам он хотел играть в футбол.

— Сочувствую мальчику.

— Я тоже сочувствовала. На первом занятии он молчал почти двадцать минут. Потом спросил, сколько стоит рояль.

— Перспективное начало.

— Я ответила. Он задумался и сказал, что за такие деньги можно купить очень хороший футбольный автобус.

Михаил громко рассмеялся.

— Не просто мяч?

— Нет. Именно автобус. Чтобы возить всю команду.

— Разумный человек.

— Вполне. Потом мы договорились, что он попробует заниматься месяц. Если совсем не понравится, скажет маме.

— И как?

— Через месяц он по-прежнему хотел играть в футбол. Но уже знал несколько пьес и соглашался приходить раз в неделю.

— А потом?

Я улыбнулась.

— Потом его мама наконец услышала, чего хочет сын. Музыку он оставил. А футболом занимался еще несколько лет.

Михаил посмотрел на меня с интересом.

— И вы не расстроились?

— Нет. Он не обязан был любить фортепиано только потому, что его мама очень хотела.

Я сделала глоток чая.

— У меня самой в детстве была преподавательница, кото-

рая считала, что музыка должна быть главным делом жизни любого нормального человека. Даже если человеку восемь лет и он мечтает просто пойти гулять.

Михаил улыбнулся.

— Вы ее ненавидели?

— Нет. Боялась.

— А сейчас?

— Сейчас понимаю, что она многое мне дала. Но некоторые ее методы я точно не хочу повторять.

Он кивнул.

Некоторое время мы молчали.

Не неловко.

Просто пили чай.

Потом я спросила:

— А у вас были неудачные первые рабочие дни?

Михаил посмотрел на меня.

— Вы хотите услышать что-нибудь позорное?

— Желательно.

— Тогда придется рассказать про дверь.

Я отставила чашку.

— Уже интересно.

Он откинулся на спинку стула.

— Мне было двадцать три. Работал в мастерской у одного очень строгого человека. Нам заказали реставрацию старых дверей для загородного дома.

— Так.

— Я только начинал. Очень старался. Хотел показать, какой я внимательный.

— И?

— Мне поручили разобрать одну дверь, аккуратно сложить детали и подписать, чтобы ничего не перепутать.

Я уже начала улыбаться.

— Вы перепутали?

— Хуже.

— Что может быть хуже?

— Я все подписал.

— Это же хорошо.

— Очень хорошо. Особенно если на каждой детали написать «верх».

Я сначала не поняла.

Потом представила.

— На каждой?

— На каждой.

Я расхохоталась.

— Зачем?!

Михаил развел руками.

— В тот момент мне казалось, что я действую исключительно разумно.

Я смеялась так сильно, что пришлось отставить чашку подальше.

— И что сказал ваш мастер?

— Сначала ничего. Очень долго смотрел на меня.

— А потом?

— Спросил, не собираюсь ли я повесить дверь горизонтально.

Я снова рассмеялась.

Михаил смотрел на меня и тоже улыбался.

— В общем, первые несколько лет в профессии я многому научился.

— Особенно правильно подписывать детали.

— Именно. Теперь я даже различаю верх и низ.

Я прикрыла лицо ладонью.

— Простите.

— За что?

— Я не могу перестать смеяться.

— Это хорошо.

Он сказал просто.

Без особого значения.

Но мне почему-то стало тепло.

Я посмотрела на него.

Михаил сидел напротив, немного наклонив голову.

У него были красивые руки.

Не идеальные, как на рекламных фотографиях.

На одном пальце виднелся старый шрам.

Кожа на костяшках была немного грубее, чем у Дениса.

Я поймала себя на том, что рассматриваю их.

И поспешно подняла глаза.

Михаил улыбнулся.

— Что?

— Ничего.

— Вы так серьезно смотрели.

— Думала, насколько же нужно любить свою работу, чтобы после стольких лет продолжать самому возиться с мебелью.

Он посмотрел на руки.

— Мне это нравится. Не каждый день удается. Бумаг стало слишком много.

— Но сегодня удалось.

— Сегодня я решил, что имею право.

Я улыбнулась.

— Правильное решение.

Он чуть наклонился вперед.

— А вы сейчас вернулись к преподаванию после перерыва?

Я кивнула.

— Да.

— Соскучились?

— Очень.

— Почему тогда не возвращались раньше?

Вопрос был обычным.

Но я почувствовала, как внутри что-то напряглось.

Раньше я могла ответить, что занималась семьей.

Что у мужа был сложный график.

Что не хотела привязываться к постоянной работе.

Все это было правдой.

Только теперь за этими объяснениями стояло слишком много болезненного.

— Так складывалась жизнь, — сказала я.

Михаил посмотрел на меня.

Несколько секунд я боялась, что он начнет расспрашивать.

Но он только кивнул.

— Бывает.

Потом добавил:

— Главное, что вернулись. По Кире видно, что вам это подходит.

Я почувствовала неожиданную благодарность.

Он не потребовал объяснений.

Не решил, что за моим ответом обязательно должна скрываться интересная история.

Просто оставил мне право не рассказывать.

Мы допили чай.

Телефон сообщил, что такси подъехало.

Я поднялась.

— Мне пора.

Михаил тоже встал.

— Провожу.

***

На улице дождь почти закончился.

Рабочий помог погрузить банкетку в багажник.

Я проверила, хорошо ли закреплена упаковка, поблагодарила его и повернулась к Михаилу.

— Спасибо за ремонт.

— Пожалуйста.

— Кира, кстати, вчера хорошо позанималась.

— Я знаю. Она мне весь вечер объясняла, чем отличается быстрый темп от торопливой игры.

Я улыбнулась.

— Надеюсь, вы усвоили?

— Почти. Но контрольную пока не сдавал.

Он рассмеялся.

Водитель открыл мне дверь.

Я уже собиралась садиться, когда Михаил сказал:

— Вера Андреевна.

Я обернулась.

— Да?

— Можно один вопрос? Не по поводу Киры.

Я удивилась.

— Конечно.

Он на секунду задумался.

Впервые за наше знакомство я увидела его немного неуверенным.

— Вы не хотели бы как-нибудь провести вечер вместе? Например, поужинать.

Я замерла.

Он продолжил:

— Просто вдвоем. Не по работе и не ради разговора об учебе.

Я посмотрела на него.

В груди неожиданно сильно забилось сердце.

Михаил стоял передо мной совершенно спокойно.

Не улыбался самоуверенно.

Не ждал, что я непременно соглашусь.

Просто предложил.

А я вдруг совершенно отчетливо поняла, что хочу.

Хочу пойти с ним ужинать.

Хочу снова услышать, как он смеется.

Хочу разговаривать о всяких глупостях.

Хочу, чтобы этот красивый взрослый мужчина смотрел на меня не только как на преподавательницу своей дочери.

Но вслед за этим пришла другая мысль.

Я все еще была замужем.

Формально.

Да и не только формально.

Я еще плакала по ночам.

Еще вздрагивала, когда на экране появлялось имя Дениса.

Еще иногда автоматически доставала две чашки вместо одной.

— Михаил Сергеевич, — начала я.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Я сейчас развожусь.

Слова прозвучали неожиданно спокойно.

Он не изменился в лице.

Только коротко кивнул.

— Понимаю.

— Все произошло совсем недавно.

— Тогда, наверное, я поторопился.

Я не знала, что ответить.

Он продолжил:

— Простите, если поставил вас в неудобное положение.

— Нет.

Слово вырвалось слишком быстро.

Михаил чуть приподнял брови.

Я почувствовала, как покраснели щеки.

— То есть вы меня не обидели. Просто я пока не знаю, готова ли.

Он посмотрел на меня несколько секунд.

Потом улыбнулся.

— Хорошо. Не нужно отвечать сейчас.

— Спасибо.

— И не думайте, что это как-то связано с занятиями Киры. Она очень довольна, а наши взрослые планы не должны влиять на ее учебу.

Я кивнула.

— Согласна.

— Если захотите, скажете. Если нет, ничего страшного.

Я улыбнулась.

— Хорошо.

Он открыл передо мной дверь машины.

Я села.

Михаил отступил.

— Хорошего вечера, Вера.

Впервые он назвал меня просто по имени.

Я почему-то заметила это сразу.

— И вам.

Машина тронулась.

Я обернулась.

Он еще стоял возле ворот мастерской.

Потом поднял руку на прощание и пошел внутрь.

Я повернулась вперед.

Посмотрела на свои руки.

И вдруг поняла, что улыбаюсь.

***

Улыбка исчезла минут через десять.

Вместо нее пришло чувство вины.

Я сидела в такси, смотрела на мокрые улицы и думала о том, что только что произошло.

Мужчина пригласил меня на ужин.

Мне понравилось.

Очень.

Но разве можно радоваться этому сейчас?

Я ведь еще не развелась.

Еще не успела даже нормально осознать конец брака.

Вчера плакала, читая сообщения Дениса.

А сегодня смеялась с другим мужчиной.

Мне показалось, что я делаю что-то неправильное.

Не по отношению к мужу.

После того, что он сделал, я не считала себя обязанной хранить ему верность.

Скорее по отношению к той женщине, которой была еще совсем недавно.

К Вере, которая одиннадцать лет любила одного человека.

Которая верила ему.

Которая хотела от него ребенка.

Разве такая любовь могла просто закончиться?

Я посмотрела в окно.

Конечно, не могла.

И не закончилась.

Я все еще любила Дениса.

Но мне понравился другой мужчина.

Не как будущий муж.

Не как спаситель.

Я ничего о нем почти не знала.

Просто мне было хорошо рядом с ним.

И впервые за долгое время я почувствовала себя женщиной, которой кто-то может заинтересоваться.

Не женой успешного бизнесмена.

Не хозяйкой дома.

Не человеком, который обязан поддерживать чужой распорядок.

Мной.

Водитель свернул к музыкальной школе.

Я расплатилась, поблагодарила его и подождала, пока он поможет выгрузить банкетку.

Оксана вышла навстречу.

— О, привезла! Отлично.

Она осмотрела сиденье.

Провела пальцами по ножке.

— Красота. Молодцы.

— Да, сделали хорошо.

Мы вместе с охранником перенесли банкетку в кабинет.

Оксана проверила, ровно ли она стоит.

Потом посмотрела на меня.

— Ты чего такая?

Я насторожилась.

— Какая?

— Не знаю. Странная.

— Устала.

— Нет, не устала. У тебя лицо какое-то...

Она прищурилась.

— Ты случайно не влюбилась?

Я рассмеялась.

Слишком громко.

Оксана открыла рот.

— О-о-о!

— Даже не начинай.

— Вера!
— Оксана, перестань.
Она схватилась за спинку стула.
— Я же пошутила!
— Очень смешно.
— Подожди. Ты что, действительно...
Я закрыла лицо ладонями.
— Он пригласил меня на ужин.
Наступила тишина.
Я опустила руки.
Оксана смотрела на меня круглыми глазами.
— Кто?
— Михаил Руднев.
Она медленно села.
— Ого.
— Что?
— Ничего себе.
— Ты можешь не делать такое лицо?
— Какое?
— Будто я сообщила, что беременна от космонавта.
Оксана расхохоталась.
Я тоже не выдержала.
Мы смеялись несколько секунд.
Потом она спросила:
— И что ты ответила?
— Что пока не знаю.

— Почему?

Я посмотрела на нее.

Она сразу перестала улыбаться.

— А, Вер. Прости.

Я села рядом.

— Я ведь еще замужем.

— Формально.

— И не только формально.

Оксана кивнула.

— Понимаю.

Я вздохнула.

— Мне было с ним хорошо. Мы пили чай, разговаривали. Он рассказал ужасно смешную историю про свою первую работу.

— И?

— И я смеялась. По-настоящему. А потом он пригласил меня на ужин, и я захотела согласиться.

Оксана молчала.

— Только по дороге я вдруг почувствовала себя ужасно.

— Из-за Дениса?

— Не знаю. Наверное.

Я посмотрела на свои руки.

— Оксан, я же его любила. Люблю, наверное. Я не могу просто перестать.

— А кто тебе сказал, что нужно перестать сегодня?

— Никто.

— Тогда в чем проблема?

Я задумалась.

— Мне кажется, что если я пойду ужинать с другим мужчиной, то будто признаю, что все закончилось.

Оксана некоторое время молчала.

Потом сказала:

— Вер, но ведь ты сама решила, что все закончилось.

Я закрыла глаза.

— Знаю.

— Ты можешь скучать по Денису и все равно не хотеть возвращаться. Можешь грустить и одновременно радоваться хорошему дню.

Я посмотрела на подругу.

— Это звучит слишком просто.

— А я не говорю, что будет просто.

Она накрыла мою руку своей.

— Только не превращай развод в наказание для самой себя. Ты и так достаточно пережила.

Я помолчала.

— Я не готова к новым отношениям.

— Возможно.

— И не хочу никому обещать то, чего не могу дать.

— Так и не обещай.

Оксана улыбнулась.

— Ужин ведь не означает, что ты обязана в понедельник познакомиться с его родителями, а во вторник выбирать

обои в спальню.

Я засмеялась.

— Господи, ты неисправима.

— Знаю.

Она поднялась.

— А теперь идем пить чай. У меня остался пирог.

Я посмотрела на банкетку.

На гладкое дерево, аккуратно укрепленные ножки.

И снова вспомнила Михаила.

На этот раз не почувствовала вины.

Только тихое, непривычное тепло.

***

На следующий день я впервые за много лет вошла в юридическую фирму не вместе с Денисом.

Офис находился в центре Москвы, в старом здании с высокими потолками.

На стойке меня встретила девушка, предложила воду и попросила немного подождать.

Я села в кресло у окна.

На коленях лежала папка с документами.

Свидетельство о браке.

Копии документов на квартиру.

Банковские выписки.

Несколько бумаг, касавшихся имущества, приобретенного во время брака.

Я собирала их весь предыдущий вечер.

Часть нашла в электронных архивах.

Часть пришлось запросить.

Когда-то я участвовала в этих делах вместе с Денисом, но обычно именно он решал, какие документы важны и где их хранить.

Теперь мне предстояло разобраться самой.

— Вера Андреевна?

Я поднялась.

Ко мне подошла женщина лет пятидесяти в темном костюме.

— Светлана Игоревна Кравцова. Проходите, пожалуйста.

Мы вошли в кабинет.

Она предложила сесть, включила компьютер и посмотрела на меня поверх очков.

— Оксана немного рассказала о вашей ситуации. Но я предпочла бы услышать все от вас.

Я открыла папку.

— Я хочу развестись с мужем.

— Есть общие несовершеннолетние дети?

Вопрос был обычным.

Юридическим.

Но я все равно почувствовала, как сжалось горло.

— Нет.

Светлана Игоревна кивнула.

— Муж согласен на развод?

Я помолчала.

— Пока нет. Но я думаю, что он согласится, когда поймет, что я не передумаю.

Она сделала пометку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.